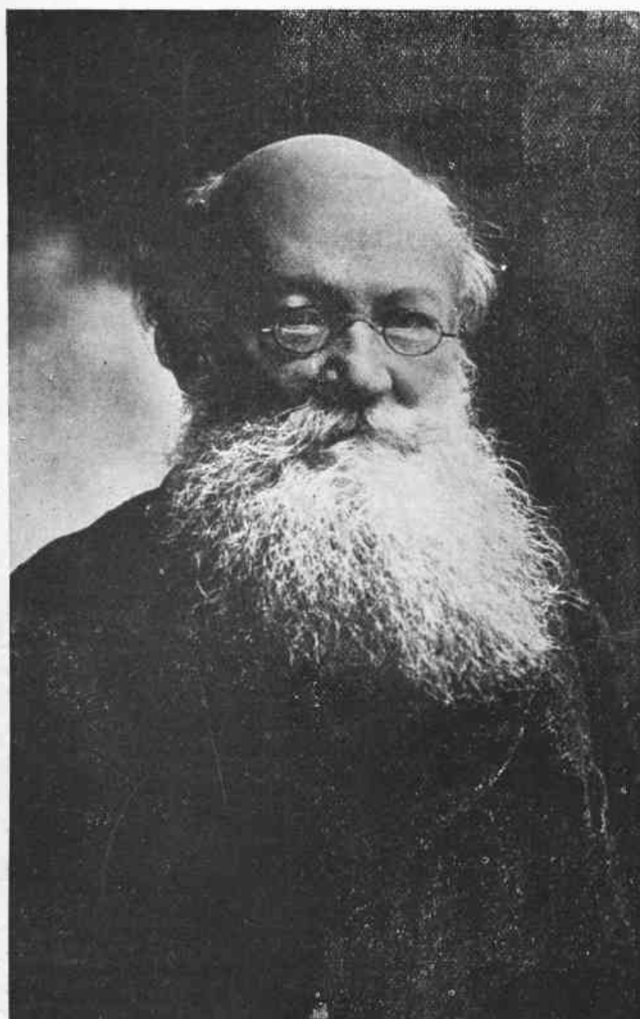
№ 3. DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE ЦЕНА 10 СЕНТОВ

ДЕЛО ТРУДА-ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган Об'единенной Федерации Русских Рабочих Организаций С. Штатов и Кнады

ЯНВАРЬ — МАРТ 1941 г.	DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE 45 West 17th Street, New York, N. Y.	17-й год издания

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ КРОПОТКИН.

Что можно сказать в маленькой статье о большом человеке? Почти ничего или очень немного. Кропоткин же был большим человеком — гигантом мысли. И следы земного бытия этого гиганта неистребимы: их не уничтожит даже всесокрушающее время...

Жизнь и деятельность Петра Алексеевича Кропоткина были столь полны, разнообразны и многогранны, что охватить их в нашей маленькой статье мы абсолютно не в состоянии.

В лице Кропоткина мы имеем счастливое и редкое сочетание революционера и ученого. Широким массам Кропоткин был известен как революционер. Революционная мировая известность заслонила Кропоткина — ученого. Однако, интернациональный ученый мир знал его и считался с ним, как с первоклассным ученым.

Если бы Кропоткин в критический момент своих душевных переживаний, когда перед ним остро встал вопрос: имеет ли он нравственное право посвятить себя науке, когда народ страдает? — решил бы его в интересах науки, а не народа, то, несомненно, он стяжал бы себе славу одного из величайших ученых, которые делают в науке эпохи. Посвятив себя в рыцари революции, он, несмотря на кипучую революционно-политическую деятельность, находил время и для серьезных научных изысканий и работ, которые не только оставили весьма и весьма заметные следы в ряде научных дисциплин, но и положили начало новой эпохи для одних и революционизировали другие.

Официальный ученый мир — это служивое сословие современной государственной и капиталистической системы; трусливый лакейский мир, больше дорожащий своим благополучием и

политико-экономическому режиму и его государ-литико-экономическому режиму и его государственной и религиозной морали. Вот этот ученый мир, переполненный к тому-же тщеславием и снобизмом, замалчивает, за редким исключением, Кропоткина, потому что он был революционер и анархист, и в тоже самое время самым безсовестным образом грабит его.

Работы Кропоткина, приведшие к открытию и обоснованию закона взаимопомощи, имеют не меньшее значение для биологии, социологии, истории и для ряда других научных дисциплин, чем закон борьбы за существования, делавший теорию Дарвина однобокой и полуправдигой, из которой неизбежно и логически вытекали оправдание силы и сильного, оправдание угнетения, эксплоатации и диктатуры в социальной жизни, что противно чувству и требованиям справедливости, равенства и свободы. Кропоткин доказал, что неразрывно с борьбой за существование в природе действует, и даже с большей силой, взаимопомощь, которая является основным фактором даже самой борьбы, за существование видов, семейств, племен и народов между собой и внутри самих себя. Борьба за существование и взаимопомощь — два неразрывных универсальных фактора, действующих с одинаковой силой как в растительном, так и в животном мире. Эти два фактора — основные, но не единственные факторы эволюции, и их действие мы наблюдаем на протяжении всего пути прогресса: от протоплазмы до современного человека с его сложнейшей психикой и сложнейшей организацией социальной жизни.

Эта «поправка» Кропоткина к дарвинскому закону борьбы за существование ныне общепризнана научным миром, который, однако, упорно и сознательно не желает делать логически вытекающих из этой «поправки» глубоко-революционных выводов и, конечно, умалчивает о Кропоткине.

Точно также, или почти точно также, обстоит дело с Кропоткиным и в области геологии. Кропоткин, основываясь на собственных научных изысканиях в Финляндии, выдвинул теорию ледникового периода, всеми признанная теперь, и теорию озерного периода; он выдвинул теорию строения Сибирских гор, которая тоже ныне всеми признана, и теорию высыхания Евразии, признается все большим и большим числом геологов, под влиянием которого, по его мнению, началось великое переселение народов.

В область географии Кропоткин также внес огромный вклад. Он открыл истинное направление азиатских горных хребтов, дал правильную орографию Азии, сделал ряд открытий в Восточной Сибири и теоретически установил местонахождение, открытой в последствии, Земли Франца Иосифа.

В области истории Кропоткин указал на огромную роль в историческом прогрессе народных масс и их творчества. Своей работой «Великая Французская Революция» он показал чем должна быть история и как она должна писаться: совершенно новый взгляд и новый подход к истории, революционизующий свою историческую науку. — Этот взгляд и этот подход до сих пор не признали официальной исторической наукой, и не может быть признан в интересах сохранения современного политико-экономического режима.

В политической экономии Кропоткин также заложил новые основы и наметил новые пути. Политическая экономия, по его мнению, должна стать физиологией общества и посвятить себя «изучению **потребностей людей и способов их удовлетворения с наименьшей непроизводительною тратою сил»**. Он указывал на неизбежность и необходимость децентрализации промышленности и интеграции труда: «гармонический союз между земледельческой и промышленной деятельностью, между умственным и ручным трудом».

Если имя Кропоткина, как ученого, потускнеет, от времени и дальнейшего прогресса науки; если оно покроется пылью архивов и лишь время от времени будет извлекаться учеными для справок при изучении истории развития тех научных дисциплин, с которыми Кропоткин был связан; если его имя, как ученого, успешно затрется лакеями современной официальной науки, то его имя, как социального философа, как творца и обоснователя анархистической социальной философии, базирующейся на данных добытых наукой и пользующейся научным методом, будет гореть ярким пламенем из века в век. Здесь время и тление бессильны, здесь Кропоткин создал себе бессмертие.

Влияние Кропоткина на революционное международное движение было и продолжает быть, огромно. Без преувеличения можно сказать, что на земле осталось мало таких уголков, куда бы не проникло его учение. Не боясь преувеличения, мы можем смело сказать, что все международное анархическое движение и в весьма значительной степени и революционно-синдикалистское движение развивались и продолжают развиваться под прямым или косвенным влиянием идей Кропоткина.

Свою социальную философию свободы и коммунизма, центром которой является живая свободная личность, Кропоткин выработал не в тиши кабинета, а на поле социальной брани рабочего класса в которой он принимал самое активное участие до гробовой доски.

Первые годы революционной деятельности Кропоткина протекли среди фабричных рабочих Санкт-Петербурга. Заграницей он примкнул к бакунинскому крылу Первого Интернационала, имевшего программу, которая ныне называется анархо - синдикалистской. Первые годы заграничной жизни Кропоткина протекали в энергичной деятельности внутри Рабочего Интернационала. Затем, после тюрьмы, наступили годы, в которые, благодаря болезни сердца, научная деятельность преобладала над живой практикой

революционного движения рабочего класса, с которым он никогда не порывал и за развитием которого пристально следил, помогая ему своими писаниями.

Кропоткин придавал рабочему движению, особенно в его революционно-синдикалистской форме, огромное значение, ибо он считал, что только рабочий класс, организованный в свои революционные производственные союзы, может покончить счеты с современным угнетательским и эксплоататорским режимом и установить на его месте режим личной и коллективной свободы на основах экономического равенства, коммунизма, или как он говорил, на основах довольства для всех. Поэтому в последние годы своей жизни он вполне солидаризировался с анархо-синдикалистским направлением анархического коммунизма, которое он находил единственно здоровым и серьезным. «Не сможешь ли ты, или кто нибудь из товарищей, писал он А. Шапиро, в ответ на обращение к нему молодежи, направить эту молодежь? Анархо-синдикалистское русло было бы, конечно, самым подходящим, если это серьезные люди». Это письмо было написано незадолго до смерти и потому может считаться духовным завещанием Кропоткина.

Что же касается рабочего движения вообще, то Кропоткин верил в него и с этой верой умер. Он не видел возможным переустройство современной жизни без непосредственного участия рабочего класса, организованного в свои союзы и интернационально. В 1920 году в письме к английским рабочим Кропоткин писал:

«Успех переустройства зависит, главным образом, от возможности объединения работы всех народов. Такая деятельность должна будет связать трудящиеся классы всех народов; для этой цели необходимо возсоздать идею Великого Интернационала всех трудящихся всего мира: не в виде, однако, объединения, руководимого одной какой-либо партией, как это случилось со 2-м Интернационалом и ныне происходит с 3-м Интернационалом. Эти последние, разумеется, имеют право на существование; необходимо все-же, помимо их и включая их, создать объединение всех рабочих организаций всего мира, ставящие целью освобождения всемирного Труда от существующего капиталистического порабощения».

Эту свою веру в рабочий класс Кропоткин с еще большей энергией и определенностью выразил годом позже в письме к .т. Атабекяну. В этом письме он с особой силой подчеркнул свои выводы из опыта долголетней революционной деятельности и свою веру:

«Я глубоко верю, писал он, в будущее. Я верю в то, что синдикальное движение, т. е. движение профессиональных союзов, которое на свой конгресс недавно собрало представителей от 20-ти миллионов рабочих, выступит великою силой в течении ближайших 50 лет, чтобы приступить к созданию коммунистического безгосударственного общества. И еслибы я был во Франции, где в данную минуту центр профессионального движения, и чувствовал побольше сил, я бросился бы головой в это движение Первого Интернационала, (не 2-го и не 3-го, которые представляют узурпацию идеи Рабочего Интернационала в пользу одной партии: социал демократической, которая на половину вовсе не представляет рабочих). Я глубоко верю в это».

С этой верой Кропоткин умер.

Многие, очень многие сейчас насмешливо улыбнутся этой вере Кропоткина. В самом деле, где эти 20-ть миллионов интернационально-организованных рабочих? Где французские рабочие союзы? Они больше не существуют. Они сгнили вместе с режимом и с социалистической и коммунистической партиями, развращенными этим режимом и развратившими своим руководством рабочие союзы. Они, и союзы, и партии, бесславно, позорно сдались сперва буржуазии, а потом петэневскому фашизму.

Могучие социалистические партии и рабочие союзы Германии и Австрии так увлеклись государственной деятельностью и политиканством, что разложились на корню и стали легкой добычей Гитлера и Долфуса.

Еще раньше также легко были уничтожены социалистические партии и рабочие союзы в Италии.

В России марксистский коммунизм стал выразителем нового господства, застрельщиком мировой реакции и открытым союзником нацизма и фашизма.

В Испании рабочее движение задушено Гитлером и Муссолини при прямом и косвенном содействии социалистических премьер - министров, просто министров, сенаторов и депутатов.

Война бушует в Европе, национальная и рассовая ненависть разжигается и доводится до изуверства. Устанавливается государственное рабство в странах нацизма—фашизма—коммунизма, устанавливается это рабство и в странах «демократии» в целях борьбы с этим рабством! По-марксистски: усилить государство в целях разрушения государства!....

Картина тяжелая, безотрадная, полная ужасов... Какая же может быть тут вера в рабочие союзы, вера в них сейчас — все равно что вера в бога, вера в несуществующее...

Да, пессимизм и безнадежность сами собой напрашиваются в качестве вывода из оценки современного положения дел. Однако мир не может примирится, и не примирится, с рабством. Рано или поздно, скорее рано, чем поздно, он освободится и от нового рабства — государственного. Поражение Гитлера— сигнал к мировой революции и эту революцию будут совершать никто иной как рабочие и только рабочие, которые в стихийном движении против врага снова воздвигнут свои союзы и поставят их на место отжившего капитализма и убитого чудовища — государственного социализма.

Каково бы положение ни было, Кропоткин прав в своей вере: без рабочих союзов и помимо их, переустройство социальной жизни на ос-

новах свободы и экономического равенства невозможно.

Погибшие в Европе рабочие союзы восстановятся и учтут опыт социалистического руководства за последнюю четверть века, а учтя этот опыт, они пойдут по пути Первого Интернационала и к цели, поставленной этим Интернационалом.

И это случится гораздо — гораздо раньше, чем пессимисты, отчаявшиеся и растерявшиеся «реалисты» думают. Мы уже накануне нового мира. Присмотритесь внимательно к стражам буржуазии и диктаторов и вы увидите как реален «утопизм» Кропоткина и как утопичен «реализм» трезвых политиков.

Г. Максимов.

ВОЖДИ И МАССЫ

(По П. А. Кропоткину).

В самом деле, было бы ошибкой считать вопрос о роли вождей и масс, о взаимоотношениях между теми и другими, частным вопросом второстепенного значения. Скорее наоборот: в известном смысле, то или иное отношение к проблеме «вождей» и «масс» может считаться «главным водоразделом» между анархизмом, с одной стороны, и **всеми остальными** социальными концепциями, с другой, (поскольку, конечно, речь идет об **искреннем** подходе к проблеме).

За исключением анархизма, все другие концепции, начиная с монархической и кончая большевицкой, принимают за нечто **данное, естественное, неоспоримое и само собою разумеющееся** наличность аморфных, пассивных, неспособных к самостоятельному организационному и творческому действию **масс** и, следовательно, необходимость над ними стоящих, ими управляющих или руководящих, их ведущих **вождей.** И толко анархизм (и даже весь не анархизм, так-как в данном случае следует особо выделить некоторых анархистов-индивидуалистов) кладет **в самую основу** своей социологии совершенно **иное понятие** о массах и вождях, об их роли и взаимоотношениях, как в истории вообще, так и, в частности, в революционном процессе. Все государственнические теории вытекают, в сущности, из представления об управляемых массах и управляющих вождях. Анархизм вырос на совершенной иной идее.

Что же это за идея? Что это за понятие?

П. А. Кропоткин, как теоретик и — больше того — как один из основоположников анархического понимания истории и социологии, ответил на этот вопрос с большой ясностью и определенностью. Оговоримся тут же. Отдельной работы по этому вопросу — (как и по многим другим существенным пунктам) — Кропоткин не дал. Но в целом ряде своих крупных работ и в многочисленных журнальных статьях он не раз попутно, останавливается на данной проблеме и освещает ее.

Отметим, прежде всего, что проблема вождей и масс распадается, собственно, на две самостоятельных проблемы.

Первая: **вожди, как правители государства, и массы, как управляемые.**

Как мы уже упомянули, (и как это достаточно известно), все социально-политические учения и все политические партии стоят на точке зрения естественности и необходимости **государства**, управляемого вождем или группой вождей (наследственных или выборных) где многочисленная масса населения является управляемым множеством, обязанным повиноваться вырабатываемым правителем (или правителями) законам. (Если социалисты и предвидят умирание государства, то в столь далеком и туманном будущем, что конкретно учитывать это предвидение не приходится). Достаточно известно также, что анархизм отрицает естественность и необходимость государства, вождей-правителей и управляемой массы.

Поскольку речь может идти о проблеме вождей и масс, как о такого рода **политической** проблеме, постолько элементы ее решения лежат целиком в плоскости **вопроса о государстве.** Отвергая государство, как естественную и необходимую форму общежития, анархизм **тем самым** отрицает ответственность и необходимость правящих вождей и управляемых масс. Эту **политическую** проблему П. А. Кропоткин освещает и решает в ряде работ, посвященных государству и правительству: «Государство, его роль в истории»; ряд глав в его «Речах Бунтовщика»; многочисленные статьи в «Листках Хлеб и Воля», и т. д. Известно, что лучшие свои страницы Кропоткин посвятил именно критике государства и связанных с последним понятий об управляющих и управляемых. Главные свои силы Кропоткин отдал на борьбу против всего этого круга идей, почему он и является основоположником **анархической** концепции. Мы не станем, поэтому, дальше задерживаться на чисто **политической** проблеме «вождей» и «масс». Отсылаем читателя к первоисточникам: к работам П. А. Кропоткина, к анархической литературе вообще. Отметим лишь, что, неоднократно касаясь самого по себе **революционного процесса**, Кропоткин и здесь всякий раз настойчиво предостерегает от того, чтобы революция приводила к новому государству, к новому правительству, к новому разделению политически организованного общежития на управляющих и управляемых. Рево-

люцию, которая привела бы снова к такому положению вещей, он заранее считает проигранной и для трудовых масс безплодной.

Менее известна, менее определена и потому более интересна другая постановка проблемы: вне **политической** организации общества (вне государства), то-есть **в области чисто общественного, социального и революционного дела. — нужны ли «вожди»?** Если да, то какова их роль, и каковы должны быть их взаимоотношения с массами? Если нет, то где гарантии того, что массы сами, без руководства со стороны опытных, знающих и решительных лиц, сумеют разрешить громадные задачи социальной революции, социального творчества и строительства? Признают ли анархисты так называемое «инициативное меньшинство» и, если да, то какую роль они ему отводят?

Вот как отвечает на эти вопросы П. А. Кропоткин:

1) В многочисленных народных массах заложены богатейшие непосредственные источники энергии и неисчерпаемые возможности действия, творчества, созидания. В этих источниках, в этих возможностях видит Кропоткин прочную гарантию конечного успеха. Это положение он высказывает и доказывает множество раз, иллюстрируя его многочисленными историческими примерами.

Достаточно вспомнить его «Великую Французскую Революцию». Огромная проделанная им работа по изучению этой революции привела его к выводу, что все существенное в ней совершено было непосредственно самими народными массами. Убедительно, рядом неопровержимых фактов и документальных данных, доказывает он это положение на протяжении всей работы. И в предисловии к ней он выражает сожаление о том, что тогда как **«парламентская история** революции, ее войны и ее политика изучены и рассказаны во всех подробностях, **народная** история революции еще не написана». «Роль **народа** в этом движении, — говорит он, — никогда еще не была полностью изучена и рассказана. Из двух течений, совершивших революцию, течение **умственное** известно; но другое течение — **народное действие** — еще очень мало затронуто». Возможно более полному выявлению этого «народного действия» и посвящена его работа.

Во многих отдельных статьях, разбросанных по различным анархическим журналам, Кропоткин возвращается к той же мысли. «Большинство современных революционеров знают, к несчастью, только театральную и эффектную сторону прошлых революций»: пишет он в статье «Революционная идея в революции»:—они едва с трудом представляют себе огромную работу, совершенную во Франции в период 1789-1793 г. г. миллионами неизвестных революционеров; а именно благодаря этой работе за период революции во Франции создалась новая нация, совершенно иная чем та, какая была пять лет перед тем». — В своей новой работе, которая будет работой созидательной, — говорит он в другой статье («Анархическая работа во время революции»), — народные массы должны будут расчитывать прежде всего на свои собственные силы, на свою собственную инициативу и свой организаторский гений, свою способность проложить новые пути...». И дальше, говоря о задачах грядущей революции, он пишет: «Тогда будет нужно, чтобы народ сам взялся за реорганизацию разбитой машины..... Потому что только он один может достигнуть **реорганизации** общества на основах **равенства** и **свободы** для всех. Возложить эту заботу на других, значило бы изменить даже основе революции». «Выработка новых общественных форм может быть делом лишь совместного труда народных масс, — говорит он в другом месте («Речи Бунтовщика», глава «Революционное правительство»): — Для удовлетворения безконечного разнообразия условий и потребностей, которые народятся в день уничтожения частной собственности, необходима гибкость коллективного дела и знание всей страны».

2) Те, кого обыкновенно почитают признанными и выдающимися вождями революции, на самом деле не ведут революцию, но идут за нею. Этого рода «вожди» революции не нужны. Для дела социального творчества они могут быть только вредны.

И это свое положение Кропоткин высказывает и подкрепляет живыми примерами, как в крупных своих работах («Вел. Фр. Рев.»), так и в мелких статьях. «В то самое время, когда рушилась монархия при одном только приближении «десятого августа», — говорит он в очерке «Революционная идея в революции», — Дантон и Робеспьер и даже монтаньяры боялись республики больше чем короля. Нужно было иноземное нашествие, призванное королем и руководимое из Тюильирийского дворца, чтобы они осмелились сознать, что Франция может обойтись без коронованного фетиша..... Вскоре они начинают гильотинировать «анархистов», которые одни только осмеливаются напасть на католический культ..... По всем экономическим вопросам революционные вожди отстают от народных масс и народ, в своем стремлении к освобождению, далеко опережает их». И переходя, далее, к критической характеристике подавляющего большинства современных «революционеров», Кропоткин пишет: «Каждый революционер мечтает о диктатуре, будет ли это «диктатура пролетариата», т. е. его вождей, как говорил Маркс, или диктатура революционного штаба, как утверждают бланкисты; в общем это одно и то же. Все мечтают о революции, как о возможности легального уничтожения своих врагов при помощи революционных трибуналов, общественного прокурора, гильотины и ее слуг — палача и тюремщика. Все мечтают о завоевании власти, о создании всесильного всемогущего и всеведущего государства, обращающегося с народом как с подданным и подвластным, управляя им при помощи тысяч и миллионов

разного рода чиновников, состоящих на содержании государства..... Все революционеры проповедуют абсолютное подчинение закону, изданному диктаторской властью. Все революционеры мечтают о комитете «Общественного Спасения», целью которого является устранение всякого, кто осмелится думать не так, как думают лица, стоящие во главе власти. Революционер осмелившийся думать и действовать вопреки революционной власти, должен погибнуть.... Думать, — говорят многие революционеры, — это искусство и наука, созданные не для простого народа. И если позднее, на другой день революции, народным массам и будет дана возможность высказать свою волю, то это дана лишь для того, чтобы народ избрал своих вождей, которые будут думать за народ и составлят законы от его имени». «Социальная революция, — говорит Кропоткин в статье «Революция и правительство» («Речи Бунтовщика»), — не может быть руководима одним лицом, или совокупностью нескольких лиц..... Только свободный почин, инициатива народа может создать нечто хорошее и долговечное».

3) Признание возможности и необходимости свободной инициативы, свободного творчества народных масс, отрицание «вождей», в обычном понимании этого термина, не означает, однако, отрицания роли инициативного меньшинства, революционного меньшинства или даже отдельных лиц. Но роль эта должна быть чисто «служебной»' помогать народу, действовать в его рядах (а не над ним), возбуждать его активность, толкать, вдохновлять его, раз'яснять словом, показывать примером.

Именно в этом последнем смысле понимает Кропоткин задачи революционного меньшинства или отдельных лиц, обладающих инициативой и решительностью. Именно и **только в этом смысле** можно, если угодно говорить о «вождях», в революции (да и вообще). Такие вожди насчитываются — в особенности во время революции — тысячами и миллионами. Но они растворяются в широких народных массах, в рядах которых они действуют, и имена их остаются по большей части, неизвестными. Именно о них, и именно в указанном выше смысле, говорит Кропоткин (в статье «Революционное меньшинство», в «Речах Бунтовщика»), что «меньшинство начинает революцию и увлекает за собою остальную массу. В другом месте (там же, ст. «Рев. прав.») он говорит об этих подлинных вождях как о личностях, которые в дни революционного подъема могут быть полезны «среди народа, распространяя всюду свои идеи, приводя в движение массы, пробуждая их творчество и нанося удары отжившим учреждениям». В статье «Анархическая работа во время революции» он говорит о необходимости «интеллигентного меньшинства», которое старалось бы углубить идеи революции. В статье «Револ. идея в революции «он говорит о необходимости иметь революционеров «в каждой хижине, в каждой деревне». Говоря о необходимости, для творчества новых форм жизни, иметь повсюду людей инициативы, Кропоткин пишет: «К несчастью, люди инициативы встречаются в будничной жизни очень редко. Но в революционные эпохи они появляются...». («Анархич. раб. вр. рев.»). А в статье «Бунтовской дух» («Речи Бунтовщика») он довольно подробно и очень ярко освещает роль этих людей, говоря о наблюдаемом в революциях превращении косных до того масс в героически действующие массы и ставя вопрос о том, «какая волшебная сила» произвела это удивительное превращение, Кропоткин пишет: «Ответ дать не трудно. Это превращение совершается благодаря действию—непрерывному и постоянно возоб новляющемуся действию меньшинства. Смелость, преданность, дух самопожертвования так же заразительны, как и трусость, подчиненность и паника. Какие формы может принять эта агитация меньшинства? Да все, решительно все: самые разнообразные формы, смотря по обстоятельствам по средствам, имеющимся под руками, по характерам. То мрачный, то насмешливый, но всегда смелый. То нападение скопом, то чисто личное. Человек действия не пренебрегает ни одним событием общественной жизни, постоянно стремясь поддерживать возбужденное состояние умов, распространять недовольство и давать ему выражение, возбуждать ненависть к эксплоататорам, выставлять в смешном виде правителей, показывать их слабости, а в особенности — постоянно пробуждать смелость и бунтовской дух, действуя своим собственным примером». Наконец, набрасывая задачи подлинного вождя-революционера в статье «Революция началась», напечатанной в «Листках Хлеб и Воля» № 15, февр. 1905 г., по поводу 9 янв., Кропоткин говорит, что теперь «надобно направить усилия каждого действительного революционера на то, чтобы пробуждать повсюду в народе его энергию и смелую инициативу борьбы. Надобно говорить народу, что ежели он сам не возьмет в свои руки дело своего освобождения, никакие комитеты революционеров, никакое правительство его не освободят».

Так понимал Кропоткин роль инициативного меньшинства.

Нам кажется, однако, что наибольшее значение имеют не те или иные ответы Кропоткина на отдельные вопросы. Важнее и характернее всего — тот **общий принцип**, который им формулирован и противопоставлен другому, шаблонному принципу. Этот последний, старый, заезженный принцип гласит: **Творчество новых форм общественной жизни принадлежит инициативному меньшинству — вождям и группам вождей. Народные массы могут и должны быть лишь беспрекословными исполнителями велений вождей. Победа новых идей, победа революции обеспечена постольку, поскольку обеспечена победа вождей, поддержанных массовым движением. После этой победы, массам остается прислушиваться к голосу победивших вождей и выполнять**

их волю. Новый, отчетливо формулированный Кропоткиным принцип гласит: **Творчество новых форм общественной жизни принадлежит многомиллионным трудовым массам, при посредстве их безчисленных организаций. Инициативное меньшинство, «вожди» необходимы постольку, поскольку массы нуждаются в интеллектуальной помощи, в побудительном толчке, раз'ясняющем слове, в живом заразительном примере.**

Принципу творчества **сверху противопоставляется** принцип творчества **снизу.** Принципу вождя-диктатора, вождя-правителя, вождя **над** массами противоставляется принцип, вождя помощника, вождя-товарища (на деле), вождя **рядом** с массами, рука-об-руку с ними.

Если бы Кропоткину задали вопрос, — почему же до сих пор, во всех революциях, вопреки признаваемому им верным принципу **народного** творчества торжествовал принцип творчества **вождей?** — он мог бы в ответ сослаться на многие его работы, где он, констатируя конечные поражение народной революции и в результате именно торжества старого принципа, выясняет причины самого этого торжества и неудачи принципа нового. Одну из этих причин — и далеко не последнюю — он видит в том обстоятельстве, что, в момент революции, народные массы еще не знают, **«как** идти к цели» (см. «Рев. прав-во»), не знают, «что следует поставить вместо старых порядков» (см. ст. «Век ожидания»). Когда же массы начинают смутно понимать подлинный путь к цели, бывает поздно: укрепившиеся у власти «вожди обращают против них новый, организованный ими, в первую очередь, аппарат насилия. И как одну из насущнейших задач ближайшей анархичес кой работы, П. А. Кропоткин выдвигает, поэтому, задачу максимального расширения и углубления анархических идей среди трудовых масс, — задачу, от удовлетворительного решения которой современные анархисты — увы! — еще очень далеки.

П. А. Кропоткин жил и творил **до русской** революции. Лишь последние четыре года его жизни протекли в обстановке этого огромного события. С глубокой душевной мукой видел он, что **и эта** революция «сбилась с пути», что она превратилась в «революцию вождей», что и она кончится, временно, закабалением трудовых масс . . . . .

К 1921-му г., году смерти Кропоткина, ближайшие отрицательные результаты этой революции уже совершенно выяснились. Кропоткин видел эти результаты. Тяжело страдая за них, он, в то же время, не мог не задавать себе того вопроса, который ставим себе и мы, его последователи и продолжатели: **Подтвердил ли ход и ближайшие результаты этой революции нашу идею, или же опроверг?** На этот вопрос он, несомненно, отвечал то же, что отвечаем и мы: **Да, подтвердили полностью, как в целом, так и в мельчайших деталях.**

Доказательство этого положения, разработка этой тему выходят за пределы данной статьи. Они должны были бы составить предмет отдельной работы. Ограничимся пожеланием, чтобы громадный и необычайно поучительный материал, предоставляемый в наше распоряжение русской революцией, был, в скорейшем будущем, использован анархистами во исполнение последнего страстного завета нам П. А. Кропоткина‘ скорее, активнее, мощнее расширять и углублять среди трудовых масс нашу идею.

Волин.

———o———

МЫСЛИТЕЛЬ.

О ЗНАЧЕНИИ П. А. КРОПОТКИНА.

ДЛЯ БОЛЬШИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ — НУЖЕН ИДЕАЛИЗМ.

Проф. Н. Кареев.

———

В пределах известного нам мира — человек является наиболее совершенным из созданий природы. Это совершенство кроется в его мыслительных способностях, в умении ОСОЗНАВАТЬ окружающее и ставить себе цели не только под воздействием слепых инстинктов, но и при руководстве разумной деятельности своего существа.

Пусть этот «разум» не сваливается с неба, пусть он лишь высшая переработка тех же инстинктов или может быть «рефлексов» (непроизвольных ответов на воздействия, раздражения извне). как полагает значительная часть современных мыслителей, но несомненно может «забегать вперед», анализировать, выработать мысли, вается, мозг его совершенствуется, и постепенкоторые становятся силами в строении общества.

Может быть в наши дни за СЛЕПЫМИ из этих сил — первенство, но человечество развивается, мозг его совершенствуется, и постепенно силы мысли, силы идеи — станут играть роль господствующую.

Человечество на пути, к тому, чтобы стать человечеством в настоящем глубоком смысле слова. И вот на его победном пути, тяжелом и трудном, ряд великих ВЕХ, маяков, украшений, имен, носители которых поднялись выше уровня, оглянулись, кинувши взгляд вперед и вширь.

Пусть не все увидел каждый из них, но

каждый из них СТУПЕНЬ к великому осознанию мира и жизни человеком, к великой его победе.

Мудрецы Востока, Платон и Аристотель Греции, Христос, Коперник, Джиордано Бруно, а дальше Кант, Дарвин, Карлейла и Толстой — словом великая цепь из сотень ценнейших звеньев — и одно из них —

ПЕТР КРОПОТКИН.

Не будем останвливаться на его обаятельным, трогательным своей мудрейшей простотой, своей идеальной чистотой, образе «великого старца»...

Здесь склоняют голову все знавшие его без различия направлений.

Спросим себя, в чем главное значение этого человека, который умел быть и мыслителем и революционером, и ученым биологом, и географом, и историком, и публицистом.

Ответ наш: в сознательно-глубоком, продуманном, последовательном протесте против несовершенств жизни — не только русской, конечно, но и человека вообще.

Это раз.

Самое же главное — в научнообставленном, хоть и проникнутом глубоким ЧУВСТВОМ ЛЮБВИ И СОВЕСТИ, — обосновании строительства новой жизни.

С детских лет Кропоткин уже весь горит негодованием против одной из форм человеческого рабства, — крепостного права, и до конца дней, голодая во дни красноармейского коммунизма в уездном городке России, он продолжает искать Свободы для человека, свободы от тьмы, от его невежества, от его пренебрежения к законам справедливости.

Жизнь его обрывается над работой о ставить НАУЧНО объяснение и оправдание правществование обмана и несправедливости ведет к гибели.

В своей незаконченной «Этике» он хочет поставить НАУЧНО объяснение и оправдание нравственности.

Не на требованиях старой религии, или близкого к ней «категорического императива» (приказа неведомой силы изнутри нас) Канта, будет строиться она, а на данных естественных наук, которых он был знатоком и поклонником. Биология и физиология его помощники.

И вот отбросив в предписаниях нравственности все то, что прилипает обычно к ним от окружающей обстановки, от требований быта и времени, отбросив требования, вытекающие из житейских нравов (в каждую эпоху свои), Кропоткин устанавливает ОСНОВНОЕ, ВЕЧНОЕ, присущее человеку, как высшему типу млекопитающихся, — зерно нравственного поведения, зерно СОВЕСТИ.

Это зерно присуще человеку, как и всем общительным животным, но лишь ясно, сознательно выступает перед ним.

Это зерно в сознании РАВНОПРАВИЯ себе подобных, в сознании могучей силы солидарности.

Основной заслугой Кропоткина, кроме его деятельности, как разрушителя форм жизни, основанных на эксплоатации, неравенстве, подавлении личности и пр., мы считаем именно СТРОГО-НАУЧНОЕ ОПРАВДАНИЕ идеализма, т. е. веры в совершенствование человека, в рост лучших инстинктов и идей, веры не в мрачность, (пессимизм), а в светлую, победную картину человечества.

В этом отношении особенно ценно его сочинение «Взаимная Помощь». Скольких пессимистов ободрила она и заставила работать и верить!

В самом деле! Вместо старого лозунга «человек человеку — волк», вместо призывов «падающего толкни», вместо единого закона «борьбы за существование» — Кропоткин (опять таки научно на основании больших знаний выдвигает существование другого закона жизни, не менее сильного.

Не из христианской морали только, но из законов природы вытекает естественная потребность помощи на законах взаимопомощи.

От муравья и пчелы до современной кооперации прослеживает Кропоткин НАЛИЧИЕ этого естественного закона, его силу и значение.

«Борьба» существует и тоже неизбежна, но пусть это будет борьба за утверждение и укрепление ВЗАИМОПОМОЩИ.

Эта взаимопомощь, высшая форма которой по Кропоткину АНАРХИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ, свободные организации свободных общин, должна стать основным лозунгом жизни!

Слово «ДОЛЖНА» уместно.

Ведь человек перед нами существо мыслящее, с чего мы и начали. А кроме того, — это «должно» совпадает с тем, что дано самой природой! Так сознательная коллективная воля, чуждая задач власти и подчинения, опираясь на ряд законов природы — должна ковать будущее ЧЕЛОВЕКА, может быть будущее всего живого мира, который может быть привлечен человеком к содружеству, а не только остаться эксплоатируемым.

Таков великий и небезпочвенный, обоснованный научно (подробности конечно в сочинениях Кропоткина) бодрый идеализм светлого учителя, учителя ПОЗИТИВИСТА, а не заоблачного метафизика-мечтателя.

Вечной юностью веет от его любимых нами седин, вечной мудростью глядит на нас его открытое чело.

МЫСЛИТЕЛЬ.

ГОСУДАРСТВО И ВОЙНА.

Со времени «последней» мировой войны прошло уже более двух десятков лет, но несмотря на такой долгий период мир весь еще не знает мира. Хуже того: к несчастью народов, затеяна новая война, продолжающаяся второй год и являющаяся более ужасной и смертоносной, чем закончившаяся война 1918 года. Тоталитарные государства Германия, Италия и Япония, победив некоторые страны, объединились с целью сокрушения демократических держав Европы и в особенности Англии, как цитадели демократизма и парламентаризма. И в этом открыто помогает им сталинская Россия.

Кто является главным, непосредственным виновником современных империалистических войн?

Мы знаем, что если капиталистический строй является одной из главных причин возникновения войн, то капиталисты все же не непосредственно организуют эти войны. В действительности, кровавым делом войны непосредственно заведует государство, как военная сила.

Отвратительная звериная сущность государства никогда не обнаруживается в такой откровенной форме во всей своей отталкивающей наготе, как во время войны. Сквозь фальшивые и лицемерные фразы о защите нарушенных нейтралитетов малых и слабых государств, сквозь лживые призывы к защите демократии и политических прав ярко выступают хищнические аппетиты зверя-государства, стремящегося к расширению своего владычества — к захвату новых территорий и колоний и к увеличению числа своих подданных-рабов. Всегда, во все времена истории государство являлось грабительским предприятием, орудием угнетения народов, отрицанием человеческой свободы и международной солидарности.

Капиталист и правительство, как правящие классы, составляют государство. Эти классы, благодаря обману и насилию, умело и хитро воспользовались жизнью, свободой и богатствами народов и, поработив их, сделали жизнь тяжелой и невыносимой. Вместо благосостояния и свободного труда, вместо любви и мира, капиталистические государства ввергли народы в нищету, в рабство и в преступные, ничем неоправдываемые войны.

В общей работе порабощения и обирательства народов государство делится обыкновенно на крупных и мелких бюрократов-чиновников, на разных представителей власти и военщины, всегда вооруженных и прошедших преступную школу милитаризма, и на богатых тузов — капиталистов, своим награбленным золотом помогающих государству еще больше угнетать трудовые массы народа.

Государство посылает на войну молодых и полезнейших сынов страны и делает из них калек и прямых убийц. Оно деморализует и развращает человека, убивая в солдате самое высшее и драгоценное — его человеческое достоинство. Государство всегда пользуется преступной целью: «чтобы овладеть душой солдата, надо прежде всего овладеть его телом». Зная это, оно подстрекает солдат убивать даже отца, брата и близких ему людей. Государство посылает свою организованную банду вооруженных солдат — этих профессиональных убийц — истреблять соседа иностранца для того, что способствовать его разорению, подчинить его своей власти, ввести свои торговые и другие законы и разбогатеть на его счет. Не считаясь ни с нравственным законом, ни с человеческой жизнью, ни с добродетелью, государство насильственным образом заставляет народы истреблять друг друга, безнаказанно проливая невинную человеческую кровь.

Золотой мешок, веками добытый трудовым народом и составляющий собственность капиталистов и государства, всегда нуждался в сильной охране, и на неприкосновенности золотого мешка, на неприкосновенности частной собственности и верховности создались все существующие государства. Их цель — порабощать и эксплоатировать людей. Государства, не стесняясь и совершенно не считаясь с нуждами народа, издают угодные им законы, по которым следует наказать всякого предъявляющего свои права на лучшую жизнь, а потому и существуют начальники, судьи, полиция, войско, тюрьмы и смертная казнь для всех непокорных и недовольных современной несправедливой жизнью.

Однако, капиталистам и власть имущим всегда мало своих жертв, им нужны новые рабы и новые торговые рынки и колонии. Таковы государственно-капиталистические аппетиты, порождающие империалистические войны. Всегда у капиталистов одной страны есть желание наброситься на владения чужестранных народов. С этой целью они обращаются за помощью к государству, которое припасло для них обученную армию солдат, лучшие пушки, сильнейший флот, и благодаря этому государство заставляет народ платить побольше податей для нужд своего преступного существования. Все государства — то медленно, то постепенно беспрерывно готовятся к войне, а для войны всегда нужны большие суммы денег.

Кто стоит на точке зрения необходимости и полезности государства, хотя бы наиболее демократического и даже социалистического, тот приходит в конце концов, логически в мысли о неизбежности войны и невозможности борьбы

против нее. Но кто доверяет государству, тот, понятно, всегда окажется обманутым. Это должны теперь понять все буржуазные пацифисты и социалисты, считающие, что государства могут обеспечить путем бумажных договоров постоянный мир человечеству. Надо также понять, что не может быть постоянного мира до тех пор, пока существует государственно-капиталистическая система.

Банкротство буржуазных, социалистических и большевистских упований на культурную и цивилизаторскую миссию государств и их дипломатов обнаруживается в настоящее время в слишком яркой форме. Смешно теперь говорить о международном арбитраже, т. е. о мирном разбирательстве военных конфликтов между государствами, подобно тому, как смешно возлагать борьбу против войны на самого организатора всех войн — на государство. Подобные стремления — только утопические иллюзии, ибо решения международного суда будут признаваться, воюющими государствами постольку, поскольку они не будут противоречить их грабительским интересам, или только в незначительных случаях, и даже чаще всего тогда, когда уже после войны придется узаконять хищнические приобретения победителей. Ведь война для капиталистов и государства часто равна обильной жатве, хотя нередко воюющие стороны остаются и в проигрыше.

Но война для народов есть самое худшее зло, от которого они больше всех страдают. Они несут неисчислимые жертвы, истекают кровью и ничем не вознаграждаются. Их общее положение не улучшается, если даже «их страна» выигрывает войну. В выигрыше почти всегда остаются капиталисты и власть имущие: они несут мало жертв и собирают лучшие плоды.

Война это смерть народного духа, гибель творческих народных организаций; война это торжество реакционного государственного начала. Всякая война это бессознательное самоубийство народов ради интересов капиталистов и государства, ибо только последние извлекают для себя пользу от войны.

Война — чудовищное антижизненное явление. Она истощает народы физически, экономически и духовно. Она пробуждает зверские, хищнические инстинкты, низводящие человека до стороны материальное уменьшенное отупением моральное падение значительной части человечества, а с другой сторны — усиленно реакционных сил, жестокую эксплоатацию труда и торжество насильственной государственой власти.

Отсюда возникает необходимость в борьбе против войны, необходимость в антимилитаристической пропаганде. Такая пропаганда должна вестись всеми честными людьми, всеми прогрессивными, рабочими и анархическими организациями. Антимилитаристы признают только один род войны за свободу: это война, которую ведут во всех странах мира угнетенные против угнетатетелей.

Но борьба против войны и милитаризма не может ограничиваться одной лишь словесной пропагандой. Борьба должна быть активной и организованной. Необходимо широко проповедывать среди всех трудящихся идеи мирного сотрудничества и братской солидарности, призывая их к активной борьбе против капиталистов и власть имущих. Необходимо также отказаться от внесения каких бы то ни было налогов, большая часть которых идет на приготовление смертоносных орудий, на содержание армии, флота и вообще ведение войны. И только стоя на точке зрения антимилитаризма и полного отрицания государственного начала; только признавая самое существование государства во всех формах губительным и ужасным для жизни и свободы народных масс с полной последовательностью выставить антимилитаристический лозунг: война, войне!

Война — это порождение двуединой силы капитала и власти. До тех пор, пока будет существовать государственно-капиталистический строй, до тех пор будет существовать милитаризм и, следовательно, война. Только отдавая себе ясное представление в этом, трудовой народ, несущий тяжелое бремя милитаризма, сможет вести серьезную борьбу против войны. Правильно избранный путь против войны заключается, поэтому, в борьбе против главного организатора войны — против государства. Только уничтожение государства и тесно связанного с ним милитаризма сделает возможной мирную братскую жизнь народов. Только уничтожение государства и капитализма означает прекращение войн эксплоатации человека человеком. И только безвластие, т. е. осуществление анархизма сможет обеспечить человечеству мир, свободу и счастье.

Л. Липоткин.

---o---

ГРЯДУЩАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВРАЖДЕБНЫЕ ЕЙ СИЛЫ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

..... Подобно заключительному акту хорошо построенной драмы, трагические события нашего времени ужасают, но не ошеломляют. Они так легко укладываются в нами предугаданную историческую форму пред-революционного периода, что поддаваться временному впечатлению, — ужасному впечатлению, нужно сказать, — могут только импрессионисты в политике. Их, конечно, много: хоть пруд пруди ими. Где ни либерал и социалист, там и импрессионист.

Отсутствие перспектив, идейная растерянность, характеризующие все их, с позволения сказать, «движение» после-военного периода, привели к паталогическому, болезненному субъективизму. Эти оханья и причитания насчет гибели цивилизации и человечества, этот суеверно-фаталистический страх перед фашизмом, эта мазохистская покорность перед так называемой «колесницей истории», изредка прикрываемая истерическими вспышками воинственного пыла, ловко оборачиваемыми фашистами, — — (скрытыми, конечно), — на пользу реакции — что это все как не обратная сторона мещанского благодушия, маниловщины, преступного легкомыслия и Панглосовской уверенности, что все идет к лучшему в этом лучшем из миров?

Все эти жрецы высшей культуры, если иногда и заигрывали с теорией гибели культуры — (Шпенглеровские веяния) — то никогда всерьез не принимали салонные пророчества. У них не было личного ощущения обреченности и трагической безъисходности современной культуры, ибо оборотная сторона ее, (ее настоящее, подлинное лицо), которую передовые люди трудящегося класса видят насквозь, не доходила до их сознания. Отсюда чудовищный квиетизм перед лицом быстро назревающей опасности. Даже в 1932 году, когда грянул гром, наши ужаснувшиеся Панглосы (в их ужасе, неподдельном, конечно, было много наивного) — далеко не проявили той действенности, которая до некоторой степени соответствовала бы требованиям исторического момента. При всем их плаче, стенании и скрежете зубовном они, однако, умудрились занять довольно-таки примирительную позицию по отношению воинственного фашизма-нацизма. Вспомните Испанию: как трудно было разскачать английских лейборитов и французских социалистов. Вспомните Мюнхен: более пораскачать английских лейбористов голосовали за этот похабный мир. А социалисты и либералы всех малых и средних государств? Где их крестовый поход против фашизма, дружная героическая борьба в европейском масштабе? Ничего подобного: чем ближе надвигалась угроза наци-фашистского нашествия, тем миролюбивее становились эти датские, норвежские, бельгийские, голландские социалисты и либералы, тем более их пацифизм, миролюбие, принимал юродивый тон и окраску.

Почему я пишу об этих столь известных вещах? Потому, что, как я заметил, даже выдержанные люди в последнее время поддались истерической шумихе, поднятой обанкротившимся либерально-социалистическим движением.

Караул, Гитлер у ворот стоит!

Очень хорошо, милые люди, что, в конце концов спохватились хоть крик поднять. Но одним криком делу не поможешь. И, конечно, ему нельзя помочь истерическим цеплянием за фалды новоявленных борцов против фашизма—всех этих бывших столпов и высоких покровителей его. Кричать нужно и готовиться нужно, но раньше всего нужно иметь веру, твердую веру в крушение фашизма, как самой последней или логически завершающейся стадии капитализма. ма.

Фашизм-нацизм не в состоянии разрешить проблему европейской экономики. Чудовищный гнет, устанавливаемый им, быстро создаст условия, напоминающие белую Россию 1918 — 1920 годов. Он ведет Европу в то состояние социального хаоса, который белые в 1918 — 20-х годах, не в состоянии были одолеть. Испания уже находится в этом состоянии. Франция быстро приближается к нему. Правящие классы, путем страшной измены продавшие свой народ в рабство, совершенно растерялись. Польша, зажатая в тиски неслыханного порабощения, тоже представляет собою потенциальную искру; Венгрия, Балканы, Скандинавия — в том же состоянии воспламеняемости. Где нибудь искра вспыхнет и зажжет пожар, который приведет если не к молниеносной революции типа 1848 года, то к затяжной свирепейшей гражданской войне, которая для народных масс будет школой социального перевоспитания.

Многое из наследия фальшивого либерализма, просочившегося в народные массы Европы, — (как Бакунин ненавидел и боялся этого просачивания!) — будет сожжено в огне гражданской войны. Перестраивать и строить жизнь, тоже, вероятно, придется в неразрывной связи с ведением этой подлинной анти-фашистской войны, которая ничего общего не будет иметь с теперешней войной двух империалистических лагерей.

Мы всегда говорили о неотвратимости этого трагического пути, хотя, может быть, мы недооценивали силу либеральных иллюзий, пустивших корни в сознание народных масс Западной Европы. За эти иллюзии, вставшие стеной между народными массами и их передовыми отрядами в 1919 — 23 годах, Западная Европа, — (да толька-ли она!) — горько ныне расплачивается. И медленное сгорание этих иллюзий в горниле неимоверных страданий: в концентрационных лагерях, в лагерях военно-пленных, в каторжном, потогонном рабском труде, в безконечных «хвостах» за хлебом, — самое знаменательное из всего, что теперь там происходит.

Народные массы не могут иным путем пробиться сквозь ужасающую ложь, которой они опутаны господствующими классами. Да одни ли народные массы живут этой ложью? Я часто встречаюсь с людьми, занимающими положение в ученом мире. Архи-образованные люди и, вдобавок, честные люди, прислушивающиеся к «тихому внутренному голосу». И вместе с тем до чего отсталы эти люди в вопросах касающихся самого главного, так сказать, центра и жизненного нерва социальной жизни! В тоже самое время они не живут в «тереме из слоновой кости», они встревожены, чуть ли не панически

встревожены победами фашизма-нацизма. Они следят за газетами, за тем, что делается в Европе, следят со страстью, которой многие могли бы позавидовать. Но как неповоротлив их ум в этой области! Учатся, прозревают, но делают это так, как самоучка-механик добирается до элементарных истин тригонометрии. Элементарные истины социальных наук, говорящие о **функциональной зависимости политических процессов развития от классовой борьбы**, были им чужды и теперь они безпомощно барахтаются в потоке событий, пытаясь хоть кое как осмыслить их ошеломляющую быстроту. Ну, а народные Массы?

Разве они могут разобраться лучше этих образованных людей, не имея того опыта, который лишь один может вывести народ на путь подлинной борьбы? Конечно, нет. До сих пор в Западной Европе такой опыт, кровавый, трагический опыт народных масс России, Китая, Испании, отсутствовал, а теперь он уже накапливается и, когда он дойдет до точки насыщения, тогда и начнется. . .

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Тема, затронутая в первом письме, до того обширна, что и десяти статей не хватило бы на ее разработку. Она требует со стороны всякого, кто желает серьезно заняться ею, **революционного** анализа, социалистического движения Западной Европы со времени Первого Интернационала и в особенности его послевоенного периода. Этот анализ должен быть проделан в свете основных революционных идей, лишь теперь находящих свое подтверждение (и то лишь в начальной форме) в развертывающихся событиях. Кроме того, требуется некоторого рода творческое воображение для того, чтобы, даже в общих чертах представить себе характер неминуемого взрыва в Западной Европе и основного его направления.

Такого рода проэкция в будущее, при всем своем гадательном характере, насущно-необходима, ибо слишком мы уж склонны рассматривать и расценивать события под углом прошлого, а не ближайшего будущего, рождающегося на наших глазах.

Те наброски которые я сейчасъ делаю, не являются попыткой предугадать это ближайшее будущее. Я просил бы рассматривать их в качестве своеобразного анализа настоящего, анализа, в виде предвосхищений. С некоторыми из моих взглядов, высказываемых здесь, вы, вероятно, ни в коем случае не согласитесь, считая их чуть ли не «ересью» с общепринятой точки зрения. Но, опять таки, прошу принять во внимание, что высказываемые здесь взгляды основанны на анализе, в данном письме лишь подразумеваемом, анализе, которого я придерживался в течении последних десяти лет, события которых в значительной степени подтвердили, говорю это без всякого хвастовства, правильность основных его положений.

Антифашистская борьба сразу примет антикапиталистический характер. Другого рода борьбы быть не может. В молодых, индустриально слабо-развитых, колониальных странах этот антикапиталистический характер может быть, **на первое время**, затушеван другими факторами. Но в остальных странах этот характер должен выступить немедленно, ибо в этих странах капитализм прочно связал свою судьбу с фашизмом. В Германии и Италии капитализм активно поддерживал его или скорее, создал его из своих собственных отбросов. В Англии и Франции — (и здесь, у нас, начинается в этом отношении складываться положение, напоминающее Германию и Италию)—руководящие круги капиталистического мира давали ему возможность разрастись в крупную интернациональную силу, сознательно ориентируясь на черную реакцию, создаваемую фашизмом, и на косвенные последствия, создаваемые страшным понижением социальной и политической атмосферы, вызываемом им даже в демократических странах. Борьба против «оси», ведущаяся теперь так называемыми демократическими странами, не может обмануть мало-мальски здравомыслящего человека. Допуская возможность превращения теперешней войны в подлинную антифашистскую путем вовлечения народных масс и перенятия последними руководящей роли в ее ведении, мы, однако, должны констатировать, что в данный момент она ведется не во имя поражения фашизма и что, в силу этого, сговор с последними или установление другой его разновидности, в случае поражения официального фашизма, вполне возможен в виде попытки остановить подлинное народное движение против фашизма и его неизбежные революционные последствия, насчет истинного характера, которого, правящие классы не строят никаких иллюзий.

Господство фашизма означает, что капитализм изжил свои **моральные** возможности, что он окончательно порвал со своим прогрессивным прошлым и, что он закрыл для себя все двери в будущее. Физически он может влачить существование и даже яро бороться за него, ибо, в конце концов, общественные системы, — (и особенно такой глубоко вкоренившийся строй, как капитализм), — не рушатся автоматически, сами собой. Революции **без революционеров**, т. е. без творчески-направляющей, исторически-осознанной и морально-воодушевленной силы, не бывают. Но капитализм, приятием фашизма, подрубил все свои живые моральные корни. Вот почему, как я уже писал, суеверный страх перед фашизмом является ничем иным, как истерикой, (социально обусловленной, конечно), которой истинный социалист ни в коем случае не может поддаться.

Фашизм — это распутиновщина капитализма. Подобно тому как распутиновщина лучше

всякой революционной пропаганды окончательно подорвала веру в царя среди миллионной солдатской и крестьянской массы России, так теперь народные массы фашистских стран, с одной стороны, и демократических, с другой, на своем опыте — (страшном, кровавом опыте) — убеждаются в моральной опустошенности капитализма. Про фашистские страны, конечно, и говорить нечего. Трудно себе представить, чтобы рабочие массы Германии и Италии, никогда не принявшие фашизма, — часто утверждаемое мнение, что, яко-бы, рабочие «прельстились» фашизмом, ничто иное как сознательный навет, исходящий из реакционных кругов и подхватываемый болтушками - интеллигентиками), — в меру своего революционизирования, пропитывались бы верой в демократический капитализм. **Вырождение последнего в фашизм является непосредственным историческим опытом** рабочих этих стран. Таким же опытом является для рабочих Франции страшная измена собственной буржуазии и военщины. В Англии положение несколько сложнее, но и здесь что-то происходит в умах народных масс, — об этом пишут многие корреспонденты—какое-то встряхивание и пробуждение, в центре коего стоит вопрос: как это наши господствующие классы допустили до такого положения?

Это не значит, что капиталистическая верхушка даст покончить с собой так-же легко, как царская клика в России. Не говоря уж об основной разнице в степени живучести и исторической цепкости между политическим строем и экономической системой. Та предельная степень гниения, приведшая царский режим к полной потере обороноспособности — исключительное явление, очень редко повторяющееся в истории. Если даже фашизм рухнет, капитализм не сдастся без того, чтобы не пустить в ход другую демократическую карту, которая теперь держится в запасе. Но фашизм вряд-ли рухнет так легко, как царский режим. Фашизм активизировал элементы распада и гниения современного строя, сообщив им крупный действенный потенциал с **отрицательным знаком.** Источник этой энергии лежит конечно, не в этих активизированных носителях разложения, а в движущей силе современного экономического строя, в монополистическом капитале, выковывающим политический режим по своему образу и подобию. До тех пор, пока у этого политического режима имеется какая-либо возможность держаться, огромные экономические резервы и орнизационные силы капитализма. (Оранизационные успехи нацистов главным образом объясняются т е с н ы м переплетом, существующим между ним и экономическими объединениями, снадобившими демагогов в фашистской партии целым рядом организаторов крупных и средних способносттей) — будут брошены на его поддержку против народных масс. И потому предстоит нелегкая борьба. Весь фашистский аппарат, навербованный из отбросов общества, знает о страшном возмездии, которое ожидает его в час подлинной народной победы. Одно это соображение само по себе придает ему силу для борьбы, не говоря уж о направлящей роли монополистических трестов в воодушевлении и организации этой противонародной защиты фашистского режима.

Однако вполне возможно, что эти же самые руководящие группы откажутся от фашизма в последнюю минуту. Если волна народного движения подымется внезапно, нарастая огромным темпом, который опрокинет все рассчеты реакции и вызовет панику в господствующей верхушке, последняя прибегнет к своему испытанному трюку, получившему классическое выражение в комедии, разыгранной в Испании в 1931 году. Как известно, «демократическая революция» опрокинувшая сначала диктаторский режим Примо-де-Ривера, а потом королевский трон, была ничем иным, как ловким маневром со стороны реакционной клики крупных финансистов и военщины, в виде попытки «упередить» быстро нараставшее революционное народное движение. Примо-де-Ривера был устранен с помощью дворцовой интриги, а король — ловким инсценированием переворота, оставившим, однако, все командные высоты в руках тех же клик, которые активно поддерживали фашистского диктатора. Конечно, такой «переворот» не мог не быть компромиссом в условиях быстро назревающей народной революции, т. е. авторы этого маневра должны были сделать некоторые уступки либералам и социалистической бюрократии. А в виду исторически обусловленной дряблости этих элементов, такого рода уступки сводились при делении власти к «тебе вершки, а мне корешки». Видимость власти в руках демократов, а суть ее осталась у тех же клик, которые верой и правдой служили королю и которые в период республики использовали свои командные высоты для того, чтобы основательно подготовиться для подавления народного движения.

Такого же рода маневр не исключен и для ближайшего будущего, в случае быстрого нарастания революционного движения в Европе. Если фашизм скоро пошатнется, в результате быстрого высвобождения революционной энергии, господствующие классы дадут социалистам и демократам устроить легонький переворот, при котором военная клика сохранила бы свое положение, полицейский аппарат был бы чуть подчищен сверху, государственный аппарат остался бы как есть, а тресты сохранили бы свое доминирующее положение. Эта «революция» будет провозглашена «великой и безкровной» и будет расхваливаться, как великое достижение нашего века, приведшее к ликвидации фащистского варварства без жертв и потрясений. Кое-кто из фашистских столпов пострадает немного: ну, домашний арест, что-ли, изгнание или может быть даже тюремное заключение на положении привилегированных узников.

Удастся ли такого рода попытка — это другое дело, но что при вышеочерченных ус-

ловиях она будет сделана, в этом не может быть сомнения. Так же как не может быть сомнения и в том, что социал-демократия охотно предоставит свои услуги в роли фасада для такого переворота.

Положение, занимаемое социал-демократами в теперешней войне, ясно показывает, что они ничему не научились и, что уроки германской и испанской демократической республики, равно как и опыт французской трагедии, прошли даром для них. Иначе быть не могло и быть не может и в будущем.

В основе западно-европейской Социал-Домократии, или европейского меньшевизма, лежит значительная доля исторической фальши, изжить которую она может лишь в результате внутреннего преображения и полного разрыва с прошлым. Эта фальш состит в **увязывании демократической идеи с тактикой постепенного преображения капитализма в социалистический строй.** Если еще на заре социалистического движения можно было строить иллюзии насчет возможности такого рода преобразования, то теперь, в свете трагического опыта после-военной Европы такого рода цеплянье за эту веру отдает социальной паталогией. И в меру цепляния руководящих кругов социалистических партий за эту иллюзию, роль последних при каждом общественном кризисе становится все более и более паталогической, характеризуясь отталкиванием от действительности, беспомощным барахтанием и объективным служением контр-революции и реакции. Это значит, что в заключительном периоде социальной революции меньшевизм в своей исторически сложившейся форме должен исчезнуть. Та часть его, которая по инерции и в силу своих социальных корней останется верной историческому наследию, т. е. будет упорно цепляться за капиталистическую демократию и за идею **постепенного** ея преобразования в социальную демократию, будет постепенно отброшена давлением поступательного хода социальной революции в явно контр-революционный лагерь. Это тем более вероятно, что в процессе углубления революции идеология капитализма совершенно потеряет всякого рода влияние и даже махровые контр-революционеры должны будут рядиться в защитный цвет социализма. Кроме того, явно контр-революционный элемент и его социальная база будут сразу выбиты из строя первым натиском революции, которая в первую голову будет направлена против трестов и монополий. Экспроприация банков и крупной промышленности означает ликвидацию не только экономической и политической силы явно-капиталистических элементов, но также крушение их морали и идеологии. Центр тяжести контр-революции, поэтому, будет перенесен с открытого призыва к реставрации капитализма на саботаж и взрыв революции изнутри. Социальная база этой новой контр-революции тоже будет перенесена с капиталистической олигархии на те классы, подклассы, промежуточные слои и прослойки, которые не могут быть ликвидированы лобовым ударом, но должны быть втянуты в новый социальный организм и перемолоты медленной и страшно трудной работой перевоспитания и общественной реорганизации. Вполне естественно, поэтому, полагать, что социал-демократия займет освободившееся место организатора и идеологического выразителя этой новой контр-революции.

Это будет новая контр-революция, ибо на ее знамени не будет написан лозунг полного возврата к прошлому, хотя она и будет тяготеть к такому возврату в силу своего отрицательного положения в революционной динамике. Это будет цепкая и вместе с тем липкая контр-революция, неискренная даже перед собой, готовая даже подхватить революционные лозунги там и здесь; крикливо-истерическая, говорящая пышным языком избитых мест дешевенького гуманизма, упорно сопротивляющаяся каждому логически-обусловленному новому шагу революции, но вместе с тем лицемирно одобряющая уже сделанные завоевания; контр-революция аморфная, трусливая, полагающаяся только на косность и отсталость руководимых ею элементов населения, ориентирующаяся лишь на вырождение революционной энергии, на термидорианство, на омещанивание; лишенная широких перспектив и кругозора и имеющая лишь целью цепляться за ноги мчащейся революции, навалиться тяжестью ею оранизуемой общественной инерции и создавать заторы, точки сопротивления, преграды, надеясь, что авось из этих преград и образуется та сила, которая, по крайней мере, остановит революцию, которая, раз остановившись, начнет обрастать тиной, потеряет свою динамическую силу и даст возможность элементам разложения вести работу по подкапыванию и взрыву изнутри.

Интернациональный меньшевизм, образовавшийся в результате упадка революционной энергии и омещанивания западно-европейского пролетариата, как раз и подходит для роли организатора и идеологического выразителя этого контр-революционного движения ближайшей революционной эпохи. Окончательная победа революциии, поэтому, означает исчезновение интернационального меньшевизма с арены истории.. Всасывание мелкой буржуазии в поры нового индустриального организма, перевоспитание молодого поколения лишит интернациональную социал-демократию необходимой питательной среды и, мало по малу, приведет к полному отрыву ее от действительности. Старики будут упорствовать в своем беззубом негодовании, люди среднего возраста отойдут, а молодежь к ним не пристанет даже любопытства ради.

В интернациональном меньшевизме, однако, имеются подлинно ценные элементы, которые, раз порвавши с исторически-сложившейся формой социалистического движения, вольются огромной силой в свободническое движение бли-

жайшего будущего. Культ демократии, прививаемый в социал-демократических рядах, является сам по себе большой социальной ценостью. Исторической фальшью было увязывание демократических ценностей с идеей постепенного преобразования капитализма в социалистический строй. Освободившись от этой исторической фальши, подлинные социалистические элементы меньшевизма должны будут поставить перед собой, в качестве непосредственной проблемы актуального действования, а не абстрактной теории, вопрос о подлинно демократических путях осуществления социализма.

Трагедия европейского социализма состоит в том, что до сих пор этот вопрос не ставился серьезно и главная вина, конечно, лежит на интернациональной социал-демократии, которая всерьез не принимала социализма, не принимала его как актуальную задачу нашего времени. Но если эта проблема будет поставлена с полным учетом жестокой революционной действительности, без игнорирования ея трудностей, начнется переплавка подлинно-социалистических элементов интернациональной социал-демократии или исторически сложившейся формы социалистического движения Западной Европы и Америки в новый тип свободнического движения, ставящего своею целью слияние воедино великих гуманитарно-прогрессивных идеалов демократических движений прошлого с новой формой социалистической экономики.

Либерий Либеров.

———o———

ПОПЫТКИ ИСПАНСКИХ СИНДИКАЛИСТОВ ОСВОБОДИТЬ РУССКИХ ТОВАРИЩЕЙ ИЗ СОВЕТСКИХ ТЮРЕМ.

Национальный Комитет Испанской Конфедерации Труда в начале 1939 года собирался дать официальный отчет о попытках Конфедерации освободить русских синдикалистов и анархистов из советских тюрем и ссылок. Европейские события помешали ему это сделать, ибо за последние полутора года вся энергия и все силы Конфедерации были сосредоточены исключительно на спасении своих членов от банд Франко и Гитлера: во Франции и ее африканских колониях находится свыше 40.000 ее активных членов, которым угрожает смертельная опасность. Но мы уверены, что после разрешения этой жгучей проблемы, Конфедерация опубликует подробный отчет о своих разнообразных попытках освобождения русских товарищей из советских тюрем и ссылок. Принимая во внимание создавшееся международное положение, можно предположить, что этот отчет не может появиться в ближайшем будущем, поэтому мы сочли, учитывая всю важность этого вопроса, познакомить русских читателей с некоторыми эпизодами предпринимавшихся Конфедерацией попыток. Мы должны, однако, предупредить, что в данный момент у нас нет под рукой документов, и что в описании событий мы опираемся исключительно на нашу память: оригиналы и копии переписки, информационные справки и доклады по этому делу находятся в архиве Испанской Конфедерации Труда, который, к великому счастию, был спасен от франковских банд, но который пока не доступен для нас.

КАК ВОЗНИК ВОПРОС.

Вопрос освобождения русских политических заключенных является одним из важнейших вопросов международного рабочего движения — это вопрос международной рабочей солидарности. Его важность удесятирилась в последние годы, когда всякого рода национализмы вытесняют интернациональные чувства не только из разных национальных рабочих и социалистических организаций, но даже и из интернациональных. Испанские синдикалисты, находясь в смертельной борьбе с реакционными силами своей страны, ни на один момент не забывали своей солидарности с единомышленниками других стран, которые в такой же борьбе с реакцией стали ее жертвами. Поэтому, когда в Испании появились первые представители Советского Союза, они сейчас же решили предпринять конкретные шаги к освобождению русских из тюрем и ссылок анархистов, синдикалистов и прочих честных революционеров, считая это освобождение актом, укрепляющим международную солидарность трудящихся.

Первые официальные представители Советского Союза приехали в Испанию 1936г., если не ошибаюсь, в конце Августа. Испанская монархия не имела дипломатических сношений с большевистским государством и сменившая ее республика не торопилась восстановить эти отношения, ибо в этом не чувствовалось ни политической, ни коммерческой необходимости. Но когда испанский народ подавил в большей части своей страны фашистское восстание генералов, когда ему нужно было оружие, чтобы довести до конца это подавление, и когда он увидел, что демократическия Франция и Англия не только сами отказались продавать оружие испанской республике, но и другим запрещали это делать, тогда республика Испании восстановила дипломатические сношения с Советским Союзом, надеясь, что он-то будет продавать республике

нужное ей оружие и амуницию.

Приехавшие в Испанию официальные представители Советского Союза не только занимались государственными и коммерческими делами, но проявили живой интерес к ведшейся борьбе. Они выступали на митингах, делали заявления в газетах и обращались с призывом к испанскому народу бороться дружно и единодушно против фашизма.

На одном многотысячном митинге советские представители заявили, что, если рабочий класс хочет победить хорошо и крепко организованную международную реакцию, он должен создать крепко спаенный единый международный фронт всех антифашистов. Они красиво и много говорили по текущему международному моменту и об обязанностях «рабочих и всех прогрессивных элементов».

Испанские рабочие дебатировали на своих еженедельных собраниях предложения советских представителей и, в конце концов, пришли к решению обратиться к этим представителям с предложением, чтобы они, в интересах защищаемого ими «антифашистского единства», начали крепить это единство у себя дома, в России, и, показав пример, перешли бы к закреплению этого единства в международном масштабе.

В Испании, говорили рабочие, это единство уже достигнуто без советов русских представителей; пусть Советская Власть сделает тоже самое у себя. Или, если эти сторонники «единого фронта» не захотят провести его у себя дома, то пусть они хоть освободят из тюрем и ссылок анархистов и синдикалистов, которые уже годами томятся в них. Пусть разрешат им приехать к нам, мы примем их, как братьев, и покроем все дорожные издержки.

После целого ряда дискуссий, на которых вносились всевозможные предложения, конкретно дело свелось к решению послать делегацию к официальным представителям Советского Союза в Испании для переговоров об освобождении из тюрем и ссылок русских товарищей.

Испанским синдикалистам эта идея обращения к государственным представителям не очень-то нравилась, им было бы приятней обратиться к представителям русского рабочего движения, но таких представителей в Испании не было, а некоторые испанцы говорили, что их и в самой Россcии не найдешь, так и было решено обратиться к официальным представителям большевистского государства.

ВЫБОР ДЕЛЕГАЦИИ.

На одном пленарном заседании Каталонского Районного Комитета Национальной Конфедерации Труда было решено, согласно воли рабочих, послать делегацию к генеральному советскому консулу в Барселоне. Делегация должна была изложить перед консулом желание большинства испанских рабочих по вопросу политзаключенных в советских тюрьмах и указать ему, что освобождения их окажет благотворное влияние на укрепление интернациональной солидарности рабочих всех стран и, что этот акт принесет огромную пользу и самому Советскому Союзу, ибо европейский рабочий сможет тогда сказать, что имеется страна, где рабочие не преследуются за убеждения.

Делегация имела право говорить только по вопросу заключенных в советских тюрьмах русских и других национальностей революционеров.

Делегация Каталонского Районного Комитета Национальной Конфедерации Труда состояла из трех человек: **Гацинто Боррас,** член Районного Комитета, представлявший в нем Союз Земледельческих рабочих, и редактор еженедельной газеты; **Виценте Перез Комбина,** тоже член Районного Комитета, представлявший транспортных рабочих, и **Мартин Гудель,** член Союза Строительных Рабочих, избранный последним для работы в Районном Комитете.

К стати, всем им удалось ускользнуть из рук франковских палачей и современем, мы не сомневаемся, они осветят более подробно интересующий нас вопрос.

Мариано Вазкез, тогда он был секретарем Каталонского Районного Комитета, позвонил в советское консульство и уведомил, что Комитет посылает к консулу официальную делегацию для переговоров по одному очень важному вопросу, и просил сообщить может ли консул принять делегацию и когда.

Прежде чем дать ответ, советское консульство послало в Районный Комитет двух южно американцев проверить действительно ли Районный Комитет звонил в консульство. Такая подозрительность и недоверчивость страшно поразили испанцев. Несколько часов спустя консульство уведомило, что консул сможет принять делегацию через три дня и указало в какой именно час.

ДЕЛЕГАЦИЯ У КОНСУЛА АНТОНОВА-ОВСЕЕНКО.

В назначенный день и час делегация явилась в советское консульство, которое тогда еще находилось в **Пасео де Грация.** Делегация немедленно была принята советским генеральным консулом **Антоновым-Овсеенко,** при котором находились два человека: переводчик, говоривший по-испански с аргентинским акцентом, и какая-то фигура, не проронившая ни единого слова на протяжении всего разговора консула с делегацией, но внимательно следившая за всем происходившим. Был-ли это служащий консульства, телохранитель консула, следил ли он за испанцами или за самим Антоновым-Овсеенко — делегации установить не удалось.

Между делегацией и консулом произошел такой разговор, восстанавливаю по памяти, как присутствовавший при нем.

— «Господин консул», начал один из членов делегации, «испанские рабочие слышали ва-

ше заявление о необходимости единства всех антифашистских сил в национальном и интернациональном масштабах. Вы особенно подчеркивали, что рабочие, более чем другие слои населения, должны проявить нужное единство. Вы, господин консул, вероятно, уже заметили, что у нас, в Испании, это единство — уже давнишний факт: у нас не только рабочие объединены, но найден общий язык и с прогрессивными элементами населения нашей страны. Единство на нашем внутреннем фронте существует, но прискорбно то, что подобного единства мы не наблюдаем на интернациональном фронте. Мы обращаемся к вам, господин консул, как к единственному здесь представителю советского общества, с просьбой оказать содействие в деле установления и укрепления этого единства. Испанские рабочие могут разбить сами свою внутреннюю реакцию, но чтобы разбить интернациональный фашизм, нужно интернациональное единство всех сознательных рабочих. Советская власть оказала бы огромное содействие делу подъема международного духа борьбы и закрепления интернациональной рабочей солидарности, если бы она освободила из своих тюрем и ссылок синдикалистов, анархистов и других честных борцов. Это оказало бы положительное содействие нашей борьбе и было бы на пользу и самому Советскому Союзу. Это создало бы столь необходимую теплоту и задушевность в международных отношениях рабочих и социалистов. Если, господин консул, по каким либо причинам Советскому правительству не желательно иметь их на свободе в своей собственной стране, то мы постараемся получить нужное разрешение на их въезд в нашу страну и мы будем очень рады иметь их у себя и вместе с ними бороться против фашизма. Мы уверены, что они охотно будут делить с нами все невзгоды и радости нашей борьбы и вместе с нами будут мужественно вести эту борьбу. Мы просим вас, господин консул, передать наше желание высшим советским властям и оказать ваше личное содействие, чтобы это желание встретило в Москве горячее сочувствие».

— «Вижу, что вы очень неверно инфор-мированы и имеете самое превратное представление о Советском Союзе. Я заявляю: в советских тюрьмах нет ни синдикалистов, ни анархистов, поэтому не может быть и речи о моей интервенции.

— «Господин консул», перебил Антонова-Овсеенко один из членов делегации, «позвольте назвать несколько имен заключенных и указать места их заключения».

— «Извините, я еще не кончил», — ответил Антонов-Овсеенко. «Очень возможно», начал консул, «я допускаю, что в тюрьме имеются некоторые люди, известные вашей организации, но я уверяю вас, господа, что ни один из них не сидит за синдикалистские или анархические идеи. В Советском Союзе не преследуют за идеи. Надо полагать, что люди, которых вы имеете в виду, совершили то или иное преступление против советских законов, но ведь это не имеет ничего общего с идеями представляемой вами организации».

— «Я был арестован испанскими властями двенадцать раз», заметил Комбина, «и каждый раз арестовали за идейную пропаганду, а говорили, что я — вор и грабитель, налетчик, прекрасно зная, что я никогда и ни у кого не украл даже ломаного гроша».

Это замечание очень не понравилось консулу, он поморщился и принял холодно-деловитый вид.

— «Вижу, вижу, какое извращенное представление вы имеете о советской юстиции. Вы должны знать, что в Советском Союзе не буржуазная юстиция, а народная и правосудие там отправляется справедливо и нелицеприятно. Наши народные трибуналы свободны и независимы и никакое постороннее влияние на их решение невозможно. Если, допустим, трибунал первой инстанции решил дело неправильно, то подсудимый имеет право перенести дело в высшую инстанцию, где совершенно иной состав трибунала, и дело рассматривается заново. Большая разница, господа, между отправлением правосудия в Советском Союзе и в буржуазно-капиталистических странах».

— «Но ведь в России, господин консул», заметил один из членов делегации, «всем этим делом ведает государство: оно назначает судей и судьи, как и в других государствах, являются правительственными чиновниками».

— «Как представитель Советского Союза», раздраженно заговорил Антонов-Овсеенко, «я никому не позволю издеваться в моем присутствия над нашими народными институтами. Мне кажется, и я думаю, что не ошибаюсь, что весь этот вопрос, с которым вы пришли, поднимается исключительно в целях антисоветской пропаганды. Явное желание опорочить честное имя Советского Союза и оклеветать его учреждения, установленные в результате великой советской революции».

— «Мы не дали вам, господин консул, никакого повода для подобного заключения», заявил один из делегатов.

— «Но, господа, смотрите», заговорил с еще большим раздражением консул, «я встречаюсь с членами вашей организации, занимающими важные посты в военном ведомстве и никто из них об этом мне не говорил, а организация посылает специальную делегацию говорить о заключенных в советских тюрьмах. ..

Официальный визит к официальному советскому представителю» — саркастически проговорил Антонов-Овсеенко.

— «Если бы вы действительно хотели вывезти из Союза некоторые личности, то вы не ставили бы так вопрос, как вы его поставили. В этой постановке так и чувствуется, что все это делается, чтобы завтра же начать клеветническую кампанию против Советского Союза».

Раздражительный тон Антонова-Овсеенко и его заподозревание в свою очередь вызвали раздражение у делегации и один из ее членов со сдержанной раздраженностью заявил:

— «А если даже и так, как консул без основания предполагает, то Московское правительство очень легко может выбить почву из под ног такой пропаганды, освободив заключенных. Но мы, господин консул, заявляем вам, что Национальная Конфедерация Труда не имеет никаких других целей кроме тех, которые вам были изложены вначале нашего визита. Испанские рабочие уполномочили данную делегацию говорить с официальным представителем Советского государства только потому, что не имеют возможности говорить об этом с представителями русского рабочего движения. Вы, господин генеральный консул, прикрываясь формальностью, не желаете признать факта, что в советских тюрьмах и ссылках находятся синдикалисты, анархисты и другие честные революционеры, когда мы имеем данные, говорящие, что в советских тюрьмах и ссылке находятся многие десятки и сотни их. Делегация уже заявила вам, господин консул, что может представить список имен с указанием мест заключения, но вы продолжаете упорно отрицать действительность. Вы заняли позицию, которая очень выгодна для вас, как официального представителя государства, как консула, но она ложная и пагубная для социализма и для рабочего движения. В виду всего этого делегация не видит никакой возможности договориться с вами, как с генеральным консулом Советского государства в Барселоне, по вопросу о политических заключенных в русских тюрьмах и поэтому не считает нужным продолжать свой визит».

После этого заявления члены делегации поднялись, чтобы покинуть кабинет генерального консула Союза Советских Социалистических Республик.

Переводчик попросил делегацию обождать пока он переведет сделанное заявление.

Выслушав перевод заявления, Антонов-Овсеенко переменил тон, попросил делегацию сесть и сделал следующее заявление:

— «Советский консул, принимая во внимание заявление, сделанное делегацией Н. К. Т., допускает, что рабочие, пославшие данную делегацию, не имеют никаких недружелюбных намерений по отношению к стране Советов, он допускает также возможность, что при отправлении советского правосудия могут быть совершимы ошибки, ибо не ошибается только тот, кто ничего не делает. В Советском Союзе были известны случаи, когда Народные Трибуналы делали ошибки. Очень возможно, что и в некоторых случаях, которые известны делегации, тоже были допущены ошибки. Советская власть с большим удовлетворением пересмотрит дела и исправит ошибки, если будет представлен новый материал. Больше того, Политбюро даже может амнистировать некоторых осужденных, если найдутся какие-либо смягчающие вину обстоятельства».

После этого заявления консула разговор перешел на амнистию, но ни делегация, ни консул не могли придти к одному мнению по этому вопросу. После долгого разговора вопрос кончился тем, что делегация вручит генеральному советскому консулу список политических заключенных в русских тюрьмах и находящихся в ссылке, который будет представлен консулом в Политбюро в сопровождении его, Антонова-Осеенко, объяснительной записки, в которой он будет рекомендовать удовлетворить желание испанских рабочих.

Антонов-Овсеенко заверил делегацию, что Советская власть не будет применять никаких репрессивных мер по отношению лиц, имена которых находятся в списке. Он обещал немедленно, как только получит ответ из Москвы, уведомить о нем Национальную Конфедерацию Труда.

СПИСОК ВРУЧЕН, ОТВЕТ НЕ ПОСЛЕДОВАЛ.

Каталонский Районный Комитет Национальной Конференции Труда немедленно снесся с русскими товарищами и запросил у них дополнительных сведений о заключенных и ссыльных товарищах. Товарищ Ф., ведавшая делом помощи ссыльным и заключенным русским анархистам и синдикалистам, снабдила Комитет ценными дополнительными данными. Список был переработан, дополнен и, спустя несколько дней после описанного посещения делегацией русского консула, вручен товарищем **Луциано Альенде** секретарю русского консульства в Барселоне. Секретарь консульства расписался на конверте в получении списка, в знак удостоверения, приложил печать консульства и выдал этот конверт, как расписку, т. Луциано Альенде. Этот конверт хранится в архиве Национальной Конфедерации Труда.

Прошло несколько месяцев, ответа не было. При одном случае Антонов-Овсеенко был спрошен о положении дела. Он ответил, что еще не получил ответа из Москвы. При этом заметил, что дело должно пройти через несколько комиссариатов, а это берет время.

Национальная Конфедерация Труда не получила ответа от Антонова-Овсеенко, получил ли он его из Москвы, — не знаю. Однако Национальная Конфедерация Труда этого дела не оставила: ее делегация, посетившая Москву в 1937 году, снова подняла этот вопрс в самой Москве.

В. Даваинис.

—————o—————

ДНИ СЛАВЫ, ДНИ ГОРДОСТИ И ГОРЬКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ.

Время и пространство, отделяющие нас от Испанской Революции 1936 года, гораздо яснее позволяют нам видеть теперь всю ее огромную важность и все ее значение. Однако, несмотря на живо чувствующуюся потребность в детальном изучении всех ее эпизодов, все еще имеется

целый ряд причин, которые препятствуют хладнокровному истолкованию их и стоят на пути выявления истинного характера революции, что должно быть сделано в первую очередь; революции, которая была чрезвычайно разнообразной по своим формам, единственной в своем роде по человеческому замыслу и новой по основным объэктам величайшего и широчайшего восстания в истории человечества.

После беспристрастного анализа ясно видно, что именно дни революции могли оставить. И вот, сопоставляя чудесные перспективы, которые эти дни сулили, с горькой действительностью нашей страны; думая о том, какими исключительными усилиями удалось устранить, и казалось навсегда, как и должно было бы быть, власть и привилегии и видя эту власть и эти привилегии ныне восстановленными и принявшими форму аристократического феодализма, который, казалось, навсегда был уничтожен Великой Французской Революцией 18-го столетия, душу наполняет какая-то смесь гордости и горечи.

Гордость? Да, гордость, — и я считаю ее разумной и заслуженной. Гордость за все то, что было сделано.

Великая горечь за все содеянные ошибки, которые совершались постоянно и на каждом шагу.

Чьи ошибки? Ошибки народа? Отнюдь нет. Ошибки тех, которые не имели права ошибаться и могли избежать эти ошибки, если бы они помнили то, что сами повторяли тысячу раз до июля 1936 года.

Наша теория, — безошибочное мерило происходивших событий, — которую они исповедывали еще вчера, была отброшена, как ненужный хлам. Был забыт опасный и отрицательный смысл противоречий и двойственностей. Было забыто, что всякая революция должна иметь принципы, которые она превращает в свое знамя и лозунги. Без этих принципов восстанавливаются все разрушенные революцией институты, которые, при этом, приобретают еще большую силу. Было забыто, что всякое социальное движение, отказывающееся от своих принципов, давших ему жизнь, и тем более если некоторые из них уже осуществлены, не знает своего пути и неизбежно осуждается на гибель. Многие забыли также, что федерализм есть естественная основа той концепции, на которую они опирались, и с мессианским видом стали утверждать, что **теория — это одно, а практика — совсем другое.** И почти все федералисты моментально переменили свои вехи.

Не впали ли они в централизм после первых недель революции? Не привела ли их к этому политическая малограмотность? Или это результат все еще неизжитой властнической психологии? Как бы там ни было, но они не смогли подметить, что централизм, — эта сжатая основная база современной социальной структуры, без которой она рушится и которую наше движение сумело подрыть, — совершенно отрицал все то, что революция уже признала и утвердила, несмотря на то, что все это было сделано во имя либертарного коммунизма.. Они не видели, что практика либертарного коммунизма дает именно все те выгоды и преимущества, которые они хотели найти, возвращаясь к прошлому.

* * *

Всякий принцип должен развиваться до логического конца. Можно понять всякого рода колебания, пока дело не вышло из теоритических рамок, но когда дошло до практики, тогда нужно идти до конца, не взриая ни на что.

Некоторым выдающимся элементам и некоторым более известным личностям, без всякого к тому основания, только потому, что они были членами руководящих органов, захотелось **законного порядка.** Они хотели механизировать и методизировать движение, которое было вулканической силой и, казалось, не имело ясно видимого ритма, являющегося двигательной силой всех революционных движений.

«Нужно приспособляться к действительности», говорили они. Но к какой действительности? Ведь мы имели две действительности: одна — отходящая, с агонизирующими формами прошлого, другая — широкие просторы нового мира, в котором все остатки прошлого были устранены. Они хотели примирения этих двух миров, как будто между ними было возможно сожительство без уничтожения одного другим. **Беспорядок,** проистекавший из столкновения этих двух миров, наводил страх и давал повод к разговорам о **революционном порядке,** построенном на целом ряде уступок прошлому, которые разрушили этот старый порядок.

Как это ни печально, но **приспособленчество** стало фактом: приспособлялись к старому в ущерб новому. Это великое открытие было ножом в сердце движения. Старые авторитеты и сила власти, похороненные в катакомбах истории, снова подняли голову и были восстановлены экономические привилегии.

Централизация, которой так хотели федералисты, делала свое пагубное дело. И революция была задушена.

* * *

Народ не несет ответственности за все случившееся. Народ, без советов и речей лидеров, сумел быстро (некоторые утверждают, что **слишком быстро),** — произвести нужные перемены. Он сумел разрушить все, что мешало строить.

Впервые в мировой истории не было ни единого человека — мужчина ли это или женщина, здоровый или больной, старый или ма-ли[illegible]з хлеба, **без обуви и** без кро[illegible] первого же момента **каждому было гарантировано** все необходимое для жизни. Все продукты, сконцентрированные в больших магазинах, были предоставлены в распоряжение их подлинных производителей.

Впервые в мировой истории личность почувствовала себя свободной во всех отношениях и стала сама себе хозяином. Никто не властво-

вал. Исчезли все виды принуждения. Власть перестала существовать. Народная воля, выявлявшаяся через каждую личность, была суверенна, верховна.

Народ, истинктивно или благодаря своему гению, доказал, что он знает, что политическое господство связано с экономическими привилегиями и он практически, на деле, не советуясь ни с кем, уничтожил их одним ударом.

Отсутствии власти и привилегий не привело к разногласиям и столкновениям. Все проблемы, особенно экономические, дискуссировались, а так как рабочие уже не разделялись на старших и подчиненных, то и сговаривались они очень легко.

Новая жизнь доказывала, что мы были правы, утверждая, что взаимоотношения людей, если их интересы совпадают, не отличаются от взаимоотношений, наблюдаемых нами при изучении безконечно больших явлений, как звезды, или безконечно малых, как молекулы: все они остаются в своей орбите и не приходят в столкновение друг с другом. Так и в человеческом обществе: каждый уважает свободу другого и это уважение не только не ограничивает его свободу, но дополняет ее. Все единицы, индивидуальные и коллективные, сохраняют свою юрисдикцию и свою автономию, в результате чего получаются социальные организмы безконечного разнообразия и высшего единства.

* * *

Политические элементы, примкнувшие к движению вначале разговоров о **приспособленчестве,** не удовлетворились его удушением: им еще нужно было обесчестить его. И вышло так, что свою диктаруру они стали называть революцией, а нашу Революцию — диктатурой. Они кричали до хрипоты, что вводить в жизнь такую форму сожительства, которая не имеет единогласного одобрения всего народа — это диктаторство. И мы были настолько наивны или настолько глупы, что клюнули на эту удочку.

Евсебио К. Карбо.

---o---

ВОЙНА И СВОБОДА.

это сделала Англия. Не смотря на то, что так

После того, как правители стран и разного рода дипломаты сказываются безсильными разрешить спорные вопросы, из за которых войны начинаются, тогда они прибегают к грубой физической силе, не щадя противника мало церемонясь со своим народом. Все права гарантирующие свободу личности, традиции, все попирается грубой силой военного сапога. Печальнее всего то, что эта война не есть первая и наверно не последняя. Все войны страшный бич человечества и, как наибольшее зло, они не могут породить добро и сделать людей более человечными. Вся суровая действительность, лишения, страдания и жертвы полностью падают на долю бедного населения, т. е. страдающего большинства. Ни какие бонусы, вознаграждения не могут заменить утрату отцов, сыновей, кормильцев и опору семьи, погибших в расцвете творческого возраста, а изуродованые, искалеченые, безпомощные инвалиды, которых всегда так много после войны, дополняют печальную картину.

После продолжительной войны побежденные, а равно и победители, в вознаграждение получают одинаково — эпидемические болезни, разрушения, экономические кризисы и т. п. Канада, как доминион Британской Империи, не смотря на свои автономные права автоматически вступила в эту войну, сейчас же после того, как это сделала Англия. Не смотря на то, что как много писалось и говорилось по всей Канаде, всеми представителями политических партий, что в случае войны будет проведено всенародное голосование и, что правительство поступит так, как решит весь народ, но как война началась, то Отава одним указом все отменила и все изменила. Все те, кто посмел выступить в печати или словесно против войны, были интернированы в лагеря без суда и следствия. До сего времени продолжает сидеть около 1,500 человек, конечно, кроме военнопленных, которых привозят из Англии и граждан воюющих держав.

Всем заключенным отказано в судебном следствии, залоге и поручительстве.

С переходом на военное положение в Отаве учреждено несколько новых департаментов-министерств, что увеличивает число чиновников, содержание которых ложится тяжелым бременем на население.

Министр труда издал несколько строгих распоряжений, согласно которым все индустрии подразделяются на два класса: военное производство и гражданское. На военных фабриках запрещено организовать юнионы, без разрешения менять работу, требовать набавку заработной платы, сокращения рабочих часов и т. д. За пикетирование фабрики Крайслер Ко. в Виндзоре, за организацию юнонов в Сидней на сталелитейн. зав. Киркланд Лейк и др. арестовано и интернировано 75 юнионных организаторов.

Оживление в канадской промышленности и спрос на рабочих стал заметным лишь во второй год войны. Например: 12,392 предприятия по всей Канаде с начала войны до января 1941 года приняли 267,000 рабочих и служащих из числа безработных, цифра которых значилась

все время около миллиона. В настоящий момент в производстве занято 1,364,720 человек. Из последних отчетов видно, что в некоторых индустриях работа сократилась. Это значит, что армия безработных в стране остается пребывать в три четверти миллиона. Цифра довольно внушительныя для страны с 11-ти миллионным населением.

Директор благотворительных институтов г. Торонто бьет тревогу и просит обратить внимание общественности на тот факт, что число одиноких безработных от 21 года до 60, которым отказано в релифе, быстро увеличивается. Он говорит, что в имеющихся 835 местах для приюта приходится кормить и давать ночлег для 2,403 бедных, бездомных, голодных и больных. Слово «больные» директор понимает в широком смысле, но заявляет, что в приютах есть ветераны этой войны, т. е. молодые, побывавшие в Англии с канадскими батальонами и получившие ранения и увечья, контузии, желудочныя болезни и др. Все они уволены из армии и не имеют где приютиться.

Из последняго отчета, выпущенного отделом здравоохранения видно, что большинство населения страны испытывает недостаток в питании. Например, семейство из пяти человек, которое состоит на релифе, получает 3.90 в неделю, тогда как для нормального питания требуется минимум 6 дол. в неделю, а если принять во внимание, что цены на все продукты значительно подымаются, то живущим на релифе приходится голодать.

В такое время, когда все свободы и традиционная Магна Карта исчезли, а усилившаяся реакция полностью вершит судьбам народа, у нас появилась и бороться за утерянные свободы энергичная и способная представительница парламента Д. Нилсон, единственная женщина в парламенте Канады. Пользуясь правами члена парламента, она разъезжает по всем городам Канады, созывает массовые митинги и призывает весь народ дружно отстаивать права личности и защищать демократические свободы.

На митингах она разсказывает о том, как тяжело переносить голод, нужду и быть в бедственном положении, в котором продолжает пробывать большинство населения страны, а главным образом восточные фармерския провинции. Этот кризис, говорит она, захватил большинство фармеров как бы в разплох, не подготовленными. Дети приходят в школу плохо одетые и голодные.

Главное, говорит она, что наш фронт здесь, дома настолько важен, что, принебрегая им, мы теряем все то, что ценно, за что нужно умирать и приносить миллионы жертв. Все завоевания и достижения народа, а главное, говорит она, весь успех зависит от организованности и умелого руководства храбрых и честных руководителей. Теперь дело за нами — удержать все достижения.

Дальше, говорит Д. Нилсон о демократии не как о своеобразном порядке жизни, а как об условиях, позволяющих и способствующих усовершенствованию народа нравственно и интелектуально. Следовательно, демократическая форма ж и з н и д о л ж н а всегда улучшаться, совершенствоваться и приближаться к высшему стандарту жизни. По мнению Д. Нилсон демократия это факел, зажженный в темноте прошлого и мы будем трусами, подавленными стыдом и недостойными тех, которые передали нам это факел освещения мрачных путей, по которым в данное время проходит человечство в его светлое будущее — свободное общество.

Пожелаем ей успеха, в столь добром и большом начинании.

Торонто, Канада. **Л. Петров.**

ОБОЗРЕНИЕ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

35-ти ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ И. Р. М.

Наша братская организация, Индустриальные Рабочие Мира, отпраздновала свой 35-ти летний юбилей.

Члены этой организации могут вспоминать прошлое, как годы тяжелой борьбы. «История И. Р. М. написана кровью», говорят они в одной прокламации.

И это правда. Много членов И. Р. М. было убито в течении этих лет, и правительственными агентами, и наемными бандитами капитала; тысячи были заточены в тюрьмы; многих депортировали, других гоняли, как зверей, безработных, голодных, без крова.

Но выжили И. Р. М. и не сдали своих позиций!

Почему такое гонение, такое жестокое преследование членов И. Р. М.?

Да потому что, организовавшись как класс, и объединившись в боевые индустриальные союзы, они вели постоянную борьбу на экономическом поле брани, и не только для временных улучшений под капиталистической системой, но они без обиняков твердили о необходимости социального и экономического переобразования общества, безкомпромисного перехода орудий производства в руки производителей.

«Все за одного — один за всех», был их лозунг.

АНГЛИЯ.

Здесь мы можем констатировать факт политического сотрудничества пролетариата с анти-фашистскими силами других классов.

Не навязывая нации своего руководства, своих конечных целей, рабочий класс, в ходе войны непрерывно усиливает свои позиции в обществе и правительстве, этим не понижая, а повышая силы защиты страны.

Под давлением военно-политической необходимости, при деятельном неограничивающем участии организованного пролетариата, дело обороны страны идет ускоренным темпом.

Необходимо отметить еще то, Англия, вразрез сложившемуся мнению, что во время войны нужны репрессивные законы, проводит широкое социальное законодательство, происходит как бы встряска и перестройка демократического порядка. Английский путь представляется нам единственно правильным в нынешних условиях. У английского рабочего является сознание «есть что защищать»...

Надеемся, что они смогут и после войны удержать свои достижения, и что не случится того, что случилось в Финляндии.

ФИНЛЯНДИЯ.

Во время войны между Финляндией и Советской Россией существовал объединенный национальный фронт, показывавший всему миру полнейшее соглашение между всеми классами финляндского населения.

Правда, надо принять во внимание, что чувство по поводу брутальной агрессии со стороны Советской России, было важным фактором этого объединения, но не надо приходить к поспешным выводам,, что война покончила все разногласия и устранила причины борьбы между классами.

Классовая борьба не может прекратиться, пока существует классовая несправедливость, и в настоящее время народ в Финляндии начинает «прозревать».

Рабочие начинают понимать, что были грубо обмануты, это чувство возмущения выражается в стихийных вспышках.

Бедность и нищета увеличиваются между рабочими, «голодный паек» выдается тем кто работает. Бесчисленные требования о улучшении заработной платы — игнорируется хозяевами, которые отказываются признавать рабочие организации как посредников для переговоров — совсем противоположная позиция той, которую они занимали в военное время.

Вот какую картину представляет из себя национальное единство в Финляндии после войны.

Недавно был проведен закон стипулирующий компенсацию за потерю частной собственности, особенно той, которая находилась на территории отошедшей к России. Но и другой ущерб частной собственности, понесенный во время войны, подлежит по закону, возмедию. Так например, частник получает возмещение до двух миллионов крон, большие частные компании могут расчитывать на компенсацию до десяти миллионов крон. — Лишь пролетарий, не имеющий частной собственности, работающий на жалование ничего не получит. Он должен удовольтвориться «медалью за храбрость» заслуженной во время войны и за честь быть пушечным мясом.

И приходится возвратиться рабочим к исходному положению, к действительности классового различия между имущими и неимущими, классовому законодательству. Мелкие подачки буржуазии во время войны этого различия не сгладили.

ШВЕЦИЯ:.

Реакционное законодательство «демократической» Швеции, триумфально провело закон против саботажа, который так же легко применим против экономических рабочих организаций.

Но секция М. Т. Р. в Швеции не дремлет, и продолжает по мере возможности, борьбу против реакции и попыток разбить рабочее движение.

С собой энергией отбиваются старания лидеров реформистского раб. движения, ввести тоталитарное правление в профессиональные союзы.

М. Т. Р. публикует памфлеты, которые бесплатно распространяет между рабочими, где указывает на грозящую опасность:

«Необходимо, что бы каждый организованный рабочий следил за текущими событиями. Он должен присутствовать на всех организационных собраниях, должен следить за дискуссиями, а главное, дискуссировать каждую попытку фашизации рабочего движения.

«Без постоянной бдительности со стороны рабочих масс и их борьбы против фашизма — который нам грозит как извне, так и изнутри — мы все проиграем и будем обречены на рабство и угнетение.

«Только рабочий класс, хорошо забронированный морально и интеллектуально, имеет возможность вести успешную борьбу против фашизма.

«Рабочие! Перед вами выбор: или беспечность, безразличие и тупое повиновение — которое приведет к рабству под фашизмом, или бдительность, неусыпная борьба за сохранение человеческих прав и самого драгоценного в жизни — «Свободы»....

УРАГВАЙ:

Профессиональный союз пекарей Монтевидео недавно провел кампанию против нового Аргентинского закона «о запрете организаций».

Союз в своим манифесте говорит между прочим:

«Власти, под предлогом защиты демократии против фашизма, издали закон против рабочих организаций. Это наци-фашистское чудовище-закон, чья цель лишить рабочих их моральных, социальных и законных прав, а так же уничтожить завоевания рабочего класса, уничтожить свободу организации и свободу мысли».

Постановление этого закона следующее: все организации, которые борятся против демократического республиканского режима, объляются незаконными. Есть опасения, что этот закон

будет применен в первую очередь против синдикалистических профессиональных союзов, так как они идут в своих требованиях дальше чем буржуазная демократия, хотя и не принадлежат к организациям имеющим диктаторские тенденции, для борьбы против которых (как будто), правительство выпустило этот закон.

МЕКСИКО:

В настоящее время число безработных в Мексико достигает приблизительно два процента населения. Еще что тревожить рабочих это то, что правительство переняв в свои руки нефтяные верфи, сокращает число рабочих и снижает заработную плату.

Пострадавшие иностр. капиталисты стараются натравить рабочих на правительство, которое со своей стороны уверяет, что оно благожелательно относится к рабочим и желает защищать их завоевания.

В одной из распространенных рабочих газет Мексико, появилась статья по текущему вопросу:

«Рабочие Мексико не допустят, что бы их использовали иностр. капиталисты, как орудие пропаганды против правительства, в то же время мы сознаем, что если мы хотим обеспечить себе лучшие условия работы, высший уровень жизни и свободу, мы не достигнем это через какую-либо правительственную партию, а через свое движение, направленное против всех прав частной собственности на орудия производства, и будь этот собственник чужестранец или свой.

КУБА И ОСТРОВА ВЕСТ ИНДИИ:

Нам сообщают из Кубы, что фашистское влияние сильно распространяется в Вест Индии. Особенно это влияние ощущается в Кубе.

Испанский посол; духовенство, со своей ультра-реакционной газетой «Диаро де ла Марино», экс президент Менокал, услужливый лакей иностр. капитала в борьбе против рабочих Кубы; Аргуелес, депутат и президент местной испанской фаланги; это лишь краткий перечень тех, кто оказывает свое давление на внешнюю политику страны. Важным фактором в фашистском движении являются т. наз. испанские Областные Общества, симпатиризирующие Франко, они хоть не играют роль в политике страны, все же занимают ответственные места в торговле и индустрии.

Им в противовес существует крепко-спаянное свободническое движение прямого действия, как в Кубе, так и Вест Индии. Здесь много испытанных работников, здесь традиции анархо-синдикализма пустили глубокие корни; они имеют влияние на пролетарское движение и большинство забастовок и выставленных требований, было вдохновлено нашими товарищами.

В настоящее время эта деятельность, к сожалению, сопряжена с большими затруднениями, чувствуется сильное военное давление.

Но крепка солидарность пролетариата Кубы, Порто-Рико, Сант-Доминго и Ямайки.

ЧИЛИ:

Группа большевиков-троцкистов г. Валдивия, обратилась к организациям М. Т. Р. с предложением объединиться для борьбы против реакции.

Но рабочие хорошо учли опыт прошлых лет, на их ответе стоит более подробно остановиться:

«Признавая желательность совместного сотрудничества, как объединенного фронта пролетариата, все же надо учитывать, что такое сотрудничество должно быть основано на социальных принципах и прямых, определенных целях. Мы считаем нашей целью — уничтожение всех учреждений насилия и эксплоатации.

«Опыт прошлых лет (революция в Испании, события в связи с забастовкой наборщиков в Сантиаго), показали нам линию большевиков-троцкистов, которая несовместима с нашими принципами.

«Поэтому мы считаем, что было бы постыдно и достойно порицания ко-оперировать, для действительного дела освобождения народа, с организациями, которые, стоя вне истинной линии революции, пользуются ею для насаждения новых диктатур»...

То есть рабочие хорошо разбираются между свободническим социализмом и авторитарным, который ведет за собою еще более хищнического собственника — государство.

ГИЛЬОТИНА ЗА РАБОТОЙ

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ТЕРРОРА В РОССИИ.

Вышла из печати и поступила в продажу английская книга Г. П. Максимова. Книга большого формата (6х9) и содержит 628 страниц и ряд портретов жертв большевистского террора. Цена $3.50, членам групп — $2.50.

Книга состоит из двух частей. Первая, — «Источники Русского Террора» — устанавливает, что источник террора в централизме и диктатуре и, что поскольку эти элементы лежат в основе марксизма, последний несет всю ответственность за террор в России. Вдохновителем и организатором террора является Ленин, что автор доказывает бесчисленными выдержками из произведений последнего. Террористические призывы Ленина иллюстрируются фактами террора в городе и в деревне из года в год, вследствии чего получается полная картина террора. Вторая часть содержит материалы и документы хронику преследований и арестов, письма из тюрем и ссылки. Начинается вторая часть большой вводной статьей автора: «Анархисты в Русской Революции». Документы и материалы расположены в хронологическом порядке, год за годом, начиная с 1918 и кончая 1939-м.

Весь доход от продажи книги поступит в пользу политических заключенных и ссыльных.

ПО НАКЛОННОЙ ПЛОСКОСТИ.

Группа активных прогрессистов города Нью Иорка, из соображений не личных, а чисто принципиальноого характера, заинтересовалась инцидентом, происшедшим перед началом лекции, которую социалисты правого с.-р. толка, устраивали своему ново-приезжему члену, г. Зензинову.

— Нашему товарищу было запрещено продавать журнал «Дело Труда-Пробуждение» и он был — удален под угрозой призыва полиции, из зала. —

Это слишком сериозное обвинение, что бы обойти его молчанием, это есть обвинение в нарушении неписаного закона чести и солидарности прогрессивно-мыслящих людей. Так как еще никогда в истории социалистического движения не было случая запрета продавать на лекциях, митингах, собраниях, либеральную литературу, мы решили разследовать это дело.

Вот вкратце факты этого инцидента:

Один из товарищей зашел пол часа до начала лекции и попросил позволение у одного члена комитета по устройству лекции, продавать журнал, что тот ему и позволил. Но что уже минут через пять, после спешно созванного совещания, одна из старых социалисток, в сопровождении секретаря этой группы, подбегает и употребляя непечатные выражения (от дамы и социалистки «крайне» неожиданные), требует немедленного прекращения продажи журнала и немедленного ухода из зала. Секретарь поддержал это требование, подкрепив его угрозой призвать полицию.

После появления письма в редакцию одной местной газеты, где в очень сдержанных выражениях был описан этот инцидент — через пару дней там же был опубликован ответ секретаря этой группы социалистов.

Ответ был настолько противоречив, настолько полон крайне грубых личных выпадов и при всем своем многословии уклонившимся от ответа на выставленное обвинение, что группа прогрессистов сочла своей обязанностью проверить факты, распросив лиц присутствовавших на лекции.

Собранные показания выявили всю ложность писания секретаря. Выяснив сущность этого инцидента и прочитав еще раз письмо секретаря, оно нас наполнило негодованием, хотелось так же грубо ответить как он это заслуживал. Но остановило чувство брезгливости. Такое хитрое виляние, такой пример метафизической диалектики не заслуживает ответа....

Новый ли это уклон групповой линии или были действия дамы и ея секретаря инспирированы разсказами новоприезжих, о том как убивалась свобода, одно мы знаем, что ни у одного из социалистов не хватило гражданского мужества встать в защиту прав свободной продажи либеральной литературы.

Мы считаем своей обязанностью довести происшедшее до публичного сведения, что бы каждый прогрессист был на страже против людей «катящихся по наклонной плоскости».

—o—

ОТЧЕТ ПО ИЗДАНИЮ ВТОРОГО НОМЕРА «ДЕЛО ТРУДА-ПРОБУЖДЕНИЕ».

Доход:

Тов. Собко в фонд журнала — 2.00, за проданные номера — 5.00, Прогрессивное Землячество в фонд журнала — 25.00, Слантыч за проданные номера — 2.00, в фонд журнала — 1.00; тов. Ковальчук в фонд журнала — 1.00; тов. Зеленюк в фонд журнала — 1.00; тов. Мурашко за проданные номера — 2.50; тов. Да-кий в фонд журнала — 1.00; от группы гор. Нью Иорка — 30.00; Профсоюз гор. Детройта за проданые номера — 7.10; Группа гор. Чикаго за проданые номера 7.00; Малаховец — 5.00; Кривошей — 8.80; Всего — 112.00.

Расход:

Уплочено типографу 147.00, экспедиция — 13.00, клише покойного тов. 2.50. Всего — 162.00.

ПОЛУЧЕНО ОТ НЬЮ-ИОРКСКОЙ ГРУППЫ «ДЕЛО ТРУДА-ПРОБУЖДЕНИЕ»:

от новогодняго вечера, сбор на политических заключенных — 8.15; на № 3 журнала «Д. Т.-П», от лекции тов. Максимова 20.00; от пикника нью-иоркской группы 29.35; через тов. Максимова на журнал 2.00; от продажи журнала от тов. Самусина 8.30; от тов. Персова на журнал 3.00. Итого $70.80.

Уважаемый тов. Данилюк!

Прилагая при сем денежный перевод на сумму пять долларов (5) в фонд журнала «Дело Труда-Пробуждение».

Означенная выше сумма поступала от указанных товарищей из Балтимора:

К. Семенос 1.15, А. Кулинский 1.25, С. Кондрук 1.50, К. Спиридон 1.00.

С приветом, группа г. Юнгстаун, Огайо.

Из Канады — Н. Резанович — 2.00.

